

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

I.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

LES AVENTURES D'UN RENÉGAT écrites sous sa dictée, par H. Arnaud. (Похожденія ренегата, описанныя съ словъ его Г. Арно. Парижъ, 1836. Двѣ части.)

=

Статья вторая.

=

Луга и рощи Альказаръ-Квивира не простираются далѣе долины, въ которой лежитъ городъ. Скоро намъ досталось итти промежь горъ, по сухой, каменистой почвѣ. Кругомъ ни ручья, ни дерева; только кое-гдѣ кустъ лавенды или розмарину, да мѣстами дрокъ своими желтыми цвѣтками украшаетъ неприступные утесы, или скабіоза и дикая гвоздика скудно прозябаетъ въ щеляхъ, куда вѣтеръ забросилъ горсть сухой земли.

Мы встрѣтили караванъ купцовъ, которые сказали намъ, что между сосѣдними племенами объявлена война, что они оставили послѣднее селеніе подъ ружьемъ и, дорогою, слышали позади себя выстрѣлы. Эта повѣсть была не очень пріятна: намъ, разбитымъ измученнымъ трудною дорогою, надобно было еще прибавить шагу и безъ малѣйшей остановки итти далѣе, чтобы миновать непріятной встрѣчи. На третій день, около полудня, мы были въ одной милѣ отъ Феца. Тутъ видъ опять переѣнился. Мы начали спускаться по широкой удобной дорогѣ въ горное ущелье, и вдругъ передъ глазами нашими развернулася, какъ обширная панорама, прекрасная, плодородная долина, въ которой въ изобиліи росли виноградъ, фиги и персики. На склонахъ двухъ холмовъ, между которыми протекала рѣка, стоялъ городъ Фецъ, со своими зубчатыми стѣнами, съ башнями и мечетями, съ золочеными шпицами, сверкавшими въ лучахъ солнца, со своими обширными садами и виноградниками. Въмѣсто того что-

бы войти въ городъ прямо съ сѣвера, мы принуждены были итти довольно долго вдоль стѣнъ, по берегу ручья, окаймленнаго густыми, тѣнистыми деревьями, и это продолженіе пути не досадовало насъ: мы отдохнули, отвели душу, въ свѣжемъ ароматическомъ воздухѣ, который вдыхали тутъ. Я съ трудомъ вѣрилъ, что нахожусь посреди Африки.

Прошедши еще четверть часа, мы вошли въ городъ черезъ западныя ворота. Мавры хлопотливо ходили взадъ и впередъ по узкимъ улицамъ, между домовъ безъ оконъ; купцы кричатъ, выхваляютъ свои товары и хватаютъ покупателей за воротъ; женщины спорятъ, торгуются; солдаты бранятся, колотятъ неуступчивыхъ торговцевъ палками; все это кишитъ и гудитъ безпрестанно. Я сначала удивился этому многолюдству и предположилъ, что городъ Фецъ имѣетъ огромное населеніе, но скоро узналъ, что причиною этого скопища была зоко или ярмарка. Мавры, только-лишь завидѣли насъ, обступили, засыпали безконечными разспросами и ужасно надоѣли своимъ нестерпимымъ любопытствомъ. Напрасно наши солдаты старались разогнать ихъ палочными ударами: они отъ этого приставали еще хуже, лѣзли какъ комары. Пройдя нѣсколько улицъ, въ сопровожденіи этой толпы, мы остановились на небольшой площади передъ постояннымъ дворомъ. Тутъ насъ ожидала толпа другого роду. Только-что мы переступили за порогъ, насъ осыпали съ головы до ногъ милліоны блохъ. Мы были совершенно покрыты ими. Неотвязныхъ Мавровъ не могли разогнать ни толчки ни палки; но грозные легіоны блохъ въ одну минуту обратили ихъ въ бѣгство: изъ провожавшихъ насъ никто не смѣлъ войти къ намъ, и мы одни достались на жертву неистовымъ, голоднымъ наѣдомъ. Скоро блохи стали нестерпимѣе любопытныхъ Мавровъ; мы рѣшились лучше расположиться ночевать на дворѣ, и вышли изъ этого аду. Гамерники однако жъ остались въ корчмѣ и продолжали биться на-смерть съ осаждавшимъ ихъ непріателемъ. Наше общество было для нихъ скучно, непріятно; они воспользовались первымъ удобнымъ случаемъ отдѣлиться, и чрезвычайно насъ одолжили этимъ.

Могаммедъ пошелъ во дворецъ султана, съ письмами танжерскаго паши. Черезъ два часа онъ воротился, въ сопровожденіи офицера, котораго соотечественники называли Малагуэньо, потому что онъ прожилъ нѣсколько лѣтъ въ Малагѣ, гдѣ торговалъ туфлями и благовонными эссенціями. Этотъ Мавръ хорошо говорилъ, по-испански и всячески старался услужить намъ; онъ сказывалъ что танжерскій папа весьма хорошо отрекомендовалъ насъ султану, и что мы будемъ приняты въ службу. Рѣшеніе нашей участи зависѣло отъ выздоровленія султана который не задолго до нашего пріѣзду захворалъ. А пока отдано было приказаніе дать намъ помѣщеніе и содержаніе, и насъ тотчасъ же перевели въ другую гостиницу, не много лучше этой, но по крайней-мѣрѣ безъ блохъ.

Мы принялись ревизовать свои финансы и нашли ихъ значительно истощенными. Надобно было поспѣшить вступленіемъ въ службу фецскаго султана, или оставалось итти по-міру. Могаммедъ пришелъ, проститься съ нами; онъ въ тотъ же день отправлялся обратно въ

Танжеръ. Не знаю ужъ какъ и чѣмъ онъ выманилъ у насъ еще нѣсколько реаловъ, которыхъ въ продолженіи пути высосалъ порядкомъ изъ нашихъ кармановъ. Вообще нѣтъ на свѣтѣ ничего жаднѣе и безстыднѣе Мавра: если онъ начнетъ чего просить, такъ ужъ не отстанетъ; отказъ не пугаетъ его; онъ совершенно чуждъ совѣстливости и самолюбія, и съ нимъ ссора и дружба всегда заключаются деньгами, которыхъ онъ выпроситъ.

Несмотря на свое жалкое положеніе, мы еще не хотѣли умереть съ голоду и стали думать объ ужинѣ. Я, съ Эспилой, пошелъ, на рынокъ, заваленный всякою всячиной съѣстнаго; всего было вдоволь, выбирай знай. Товары, обтѣпленные милліонами жужжащихъ мухъ, были разложены на стойкахъ, за которыми стояли купцы, со своими безмѣнами, нисколько не заботясь ни объ мухахъ ни о собакахъ, что спокойно лежали на открытыхъ мѣшкахъ съ хлѣбомъ и рисомъ. Мавры такъ мало смотрятъ на чистоту и опрятность, что безъ малѣйшей запинки покупаютъ кусокъ мяса, вырванный изъ зубовъ собакъ, которыя изъ-за него грызлись. Мы накупили себѣ что нужно, и пошли. Трапеза была очень печальная: каждого занимали горестныя размышленія о настоящемъ и будущемъ: всякая надежда уйти когда-нибудь изъ этой варварской земли казалась несбыточною; какъ бы ни послужило намъ счастье на предстоящемъ пути, мы чувствовали, что оно не можетъ удовлетворить насъ. Многіе изъ насъ обладали воинскими дарованіями, которыя заслужили бы большую благосклонность султана, но это не льстило: что значать успѣхи, слава и почести посреди народа, въ которомъ не находишь ничего близкаго себѣ?

Наконецъ утомленіе и сонъ прекратили наши неутешительныя размышленія. Мы бросились на солому, и продолжительный, спокойный отдыхъ поправилъ истощенныя силы. Проснавъ нѣсколько часовъ я проснулся и слышу громкій, важный голосъ. Тѣ былъ муэз-зынъ, читавшій на-распѣвъ утреннюю молитву, на минаретѣ соседней мечети. Было еще темно, часъ четвертый утра. Это протяжное пѣніе, въ глубокой тишинѣ ночи, наполнило мою душу невыразимою тоской; эти новые обычаи, эти незнакомые религіозные обряды, напоминали мнѣ какъ далеко я отъ своей родной Испаніи. Фареньясъ проснулся; я слышалъ, что онъ вздыхаетъ; быть можетъ изъ его глазъ тоже катились слезы. Я протянулъ къ нему руку, онъ молча пожалъ ее, и мы поняли другъ друга. «Какая разница, шепнулъ онъ съ глубокимъ вздохомъ, какая разница между этою и послѣднею ночью въ Кадисѣ! Помните послѣдній балъ у донъ Петро Р***.... И Карменчита?.... Какъ она была хороша въ этотъ вечеръ!» Гуэрра услышалъ это. Я почувствовалъ, что онъ повернулся лицомъ къ грязному мѣшку, который служилъ намъ изголовьемъ. «Ради Бога, Фареньясъ, не напоминайте объ этихъ вещахъ, или я съума сойду!» проговорилъ онъ, и тихо зарыдалъ. Этотъ плачъ человека, который дотолъ оказывалъ несокрушимую твердость духа во всѣхъ опасностяхъ и невзгодахъ, раздиралъ душу каждого, кто его слышалъ. Утрата блестящаго положенія въ обществѣ, потеря званія, имущества и отечества, не вырвали у него ни одной слезы, но сердце его не выдержало воспоминанія о любимой женщинѣ. Эта минута

слабости не могла однако жъ продолжиться: утромъ я увидалъ Гуэрру сидящаго на своей соломенной подстилкѣ, съ гордымъ и спокойнымъ взглядомъ. Онъ, казалось, снова закалилъ свое мужество въ нечаянномъ припадкѣ горести. Около десяти часовъ пришелъ Малагуэньо, чтобы проводить насъ къ визирю. Мы пошли. Это былъ молодой человѣкъ очень пріятной наружности; его богатая одежда, окаймленная пушистымъ мѣхомъ, красиво облегла худощавый но стройный станъ; на головѣ у него была чалма изъ дорогой, кашмирской, шали, а на бѣлыхъ, нѣжныхъ, рукахъ множество перстней. Всѣ шейки, которыхъ я видѣлъ доселѣ, всѣ начальники и предводители Мавровъ, начиная съ танжерскаго паши, были нищи и грязны въ сравненіи съ этимъ визиремъ, и мнѣ показалось, что я нашелъ наконецъ настоящій образецъ арабскихъ князей, прославленныхъ поэтами. Мнѣ чрезвычайно хотѣлось продолжить свиданіе, чтобы увидать, соответствуетъ ли внутренняя сторона этого человѣка его замѣчательной наружности.

Первые вопросы визиря касались причинъ нашего удаленія изъ отечества, потомъ онъ сталъ разспрашивать насъ о Европѣ, и изъ этихъ вопросовъ видно было, что онъ плохо зналъ настоящее ея положеніе. Между-прочимъ онъ спросилъ меня, что говорятъ о походѣ Наполеона въ Египетъ. Я отвѣчалъ, что объ этомъ давно уже забыли. Онъ чрезвычайно удивился, что можно забыть такія вещи, и восклицалъ нѣсколько разъ «Наполеонъ! Наполеонъ!» Онъ не вѣрилъ что великій капитанъ умеръ и ожидалъ снова видѣть его императоромъ. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы какой-нибудь самозванецъ вздумалъ воспользоваться этимъ общимъ у Мавровъ мнѣніемъ, онъ собралъ бы въ свою пользу могущественную партію: Наполеонъ — полу-богъ, пророкъ, для этихъ варварскихъ народовъ.

Визирь отпустилъ насъ, объявивъ, что съ этой минуты мы въ службѣ артиллерійской бригады фецскаго султана. Черезъ нѣсколько дней намъ, съ полкомъ, назначено было выступить въ Мекинесъ, для занятія гарнизону; а до тѣхъ поръ мы могли жить свободно, безъ обязанности къ службѣ.

Послѣ обѣда Малагуэньо предложилъ намъ идти за-городъ, посмотреть на маневры. Мы охотно воспользовались случаемъ узнать состояніе мавританской стратегіи и пошли. Маневры происходили на большомъ полѣ за западными воротами. Около четырехъ тысячъ лошадей были построены въ два фронта; солдаты стояли спѣшившись, каждый у своей лошади. Скоро показался начальникъ, въ богатой одеждѣ, на прекрасной кобылѣ. Онъ махнулъ бѣлымъ платкомъ, солдаты вскочили на коней. Этотъ родъ команды очень позабавилъ насъ. Потомъ Мавры раздѣлились на пять эскадроновъ, и разъѣхались на нѣкоторое разстояніе, а тамъ каждый эскадронъ опять раздѣлился на пять взводовъ, стоявшихъ одинъ за другимъ. Въ рукахъ у нихъ были длинныя карабины, которыхъ приклады упирались въ арчаги сѣделъ. По данному сигналу первая сотня, или первый взводъ, пустилась въ галопъ, наклонясь впередъ, съ крикомъ, съ гикомъ, и доскакавъ до половины поля, сдѣлала залпъ, держа карабины одною рукой; потомъ слѣдовали во всю прыть дру-

гой и третій взводъ. Почти въ каждомъ взводѣ какой-нибудь солдатъ сваливался подъ ноги лошадямъ, но это никого не беспокоило. Скоро все поле покрылось густымъ облакомъ пыли и дыму. Выстрѣлы и крики стали чаще и громче, дотого что я часто думалъ, они въ самомъ дѣлѣ начнутъ драться. Мы поспѣшили убраться во свояси, чтобы не быть ранеными и стоптанными. Несмотря на новостъ сценъ, представлявшихъ нашему любопытству, нами овладѣла невыразимая скука посреди этого невѣжественнаго, ограниченнаго народа. Напрасно искалъ я слѣдовъ столь знаменитой въ древности образованности Аравитянъ: тамъ уже не было памяти о славныхъ учебныхъ заведеніяхъ, основанныхъ Яковомъ Альмансоромъ, искусства и даже названія наукъ, которыя нѣкогда преподавались тамъ забыты и вовсе неизвѣстны нынѣшнимъ Маврамъ. Все знаніе ихъ ученыхъ состоитъ въ чтеніи и изъясненіи Корана котораго темныя изрѣченія и тонкости неспособны повести любознательность человека на путь успѣховъ. Жрецы, такъ же какъ и народъ, погрязли въ совершенномъ невѣжествѣ: они сами душевно раздѣляютъ всѣ суевѣрія и предрасудки, которыя распространяютъ въ народъ. Господство физическихъ потребностей и грубыя страсти, при отсутствіи нравственной силы, возрастаютъ болѣе и болѣе въ этомъ народѣ: нынѣшніе Мавры бранчивы, жестоки, надмѣнны, завистливы и вороваты выше всякаго преувеличенія. Всѣ наши сношенія съ Маврами подтверждали во мнѣ однажды принятое мнѣніе, что Европеецъ не можетъ жить между ними не испытывая безпрестанно скуки, досады и отвращенія.

Единственнымъ наслажденіемъ и развлеченіемъ нашимъ были сигары, которыхъ мы со-времени прибытія въ Фецъ уже не видали. Мы съ Гуэррой и Реалемъ долго ходили по городу изъ лавки въ лавку и не могли найти чего искали, наконецъ обратились въ Малагуэньѣ, и тотъ повелъ насъ въ жидовскій кварталъ. Миновавъ нѣсколько грязныхъ улицъ, мы пришли на небольшую площадку, по обѣимъ сторонамъ которой тянулись неопрятныя лавки съ разными товарами. Жиды-торговцы поджидали покупателей какъ кошка подстерегаетъ мышъ. Только-что Малагуэньѣ выговорилъ, чего намъ нужно, жиды сунули намъ двадцать связокъ табаку подъ носъ. Я не могъ удержаться отъ смѣху, видя, какъ эти торгаши заговорили съ нами всѣ вдругъ, съ ужаснѣйшими жестами, и на языкъ совершенно намъ незнакомомъ. Каждый хвалилъ свой товаръ, прославлялъ свою честность, и старался притянуть покупателя къ себѣ. Назойливостъ жидовъ стала такъ нестерпима, что Малагуэньѣ принужденъ былъ растолкать ихъ силою. Онъ самъ назначилъ цѣну за взятый нами фунтъ табаку, и мы расплатились. Купцы эти были одѣты по-мавритански, только вмѣсто чалмы носили шапочку. Въ нихъ очень хорошо можно узнать еврейское племя, безъ всякой примѣси арабской крови.

Узнавъ, что мы иностранцы, эти люди смотрѣли на насъ съ чрезвычайнымъ любопытствомъ, и наконецъ одинъ спросилъ, нѣтъ ли между нами врача. Малагуэньѣ перевелъ этотъ вопросъ. «Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ Реаль, я врачъ». — Вы съ ума сошли! шепнулъ я ему: этотъ народъ вѣдь растормошитъ васъ со своими требованіями

лекарствъ. — «Тѣмъ лучше.» — Да что же вы станете прописывать имъ? — «Не знаю. Мнѣ извѣстно только то, что карманы наши пусты, и что надобно позаботиться какъ бы ихъ наполнить. Я попытаюсь продать нѣсколько медицинскихъ совѣтовъ. Авось удастся. Мои лекарства будутъ такъ невинны, что не повредятъ ни больному ни здоровому. Молчите; дайте мнѣ дѣйствовать.» Лишь только жида услышали, что рѣчь идетъ о медицинѣ, можно было подумать, что между ними открылась эпидемія: всѣ столпились около Реалъ, одинъ тащилъ его посмотреть на жену, другой просилъ вылечить сына; мы не знали кого слушать. Хитрый Малагуэньо безсмысленно рассчиталъ, что такой оборотъ дѣла принесетъ и ему нѣкоторую пользу. Онъ уговорилъ Реалъ исполнить просьбу одного стараго золотыхъ дѣлъ мастера, у котораго дочь лежала при смерти. Мы вошли въ домъ жида. Витѣнная дверь вела въ сырой, темный корридоръ, который выходилъ на маленькій квадратный дворъ, осыненный однимъ платаномъ. Вокругъ тянулась галерея на аркахъ, а по-выше окна верхняго этажа. На дворъ, подъ тѣнью дерева, сидѣли пять или шесть дѣвушекъ, въ легкихъ платьяхъ и туфляхъ на босую ногу; уборъ у каждой весь состоялъ изъ двухъ богатыхъ косъ, красиво заплетенныхъ и обвитыхъ вокругъ хорошенькой головки. Имъ, казалось, было очень весело: онѣ безпрестанно болтали и улыбались. Несмотря на безпорядокъ и даже нѣкоторую неопрятность въ одеждѣ, дѣвушки были чрезвычайно милы. Онѣ ни сколько не смутились нашимъ приходомъ и, между-тѣмъ какъ мы кланялись имъ до земли, онѣ протягивали руки, чтобы мы пощупали имъ пульсъ: онѣ думали что мы всѣ врачи, осыпали насъ вопросами, и приходили въ отчаяніе, что ихъ не понимаютъ. Напрасно старикъ ворчалъ: дѣвушки не отвязывались, и Гуэрра рѣшился остаться у нихъ на дворъ, для консультацій, между-тѣмъ какъ я, Реалъ и Малагуэньо пошли въ комнату больной.

Въ глубинѣ комнаты, въ которую насъ ввели, стоялъ диванъ и на немъ лежала дѣвушка, съ такимъ красивымъ, свѣжимъ и румянымъ лицомъ, что невозможно было повѣрить, что она больна. Когда Реалъ подошелъ къ ней, я замѣтилъ, что она покраснѣла, приподняла слегка свои черныя, длинныя рѣсницы, но тотчасъ же опять опустила ихъ, и черты ея остались спокойны, неподвижны. Старый жидъ описалъ болѣзнь своей дочери, и Малагуэньо переводилъ намъ его слова. Онъ разсказалъ, что дѣвушкѣ пятнадцать лѣтъ, что она всегда была игрива, весела; что она была забавою всего дому; но вдругъ ее схватила странная болѣзнь: она потеряла зрѣніе, движеніе и языкъ, и вотъ уже съ мѣсяцъ ничего не ѣстъ. Очевидно было, что тутъ крылись кое-какія плутни, и Реалю на первый разъ предстояло не трудное испытаніе. Онъ взялъ пациентку за руку, и съ истинно докторскимъ тономъ, сказалъ, что болѣзнь чрезвычайно опасна. Жидъ выпучилъ глаза; Малагуэньо проаживался взадъ и впередъ по комнатѣ съ самодовольнымъ видомъ, который, казалось, выражалъ: «вотъ, я вамъ привелъ избавителя!», а я едва удерживался отъ хохоту. Осмотрѣвъ больную и пощупавъ пульсы на обѣихъ рукахъ ея, Реалъ заговорилъ, а Малагуэньо перевелъ каждое его слово: «Больная останется въ параличѣ и безъ языка и

всю жизнь, если я не примусь ее лечить. На первый случай, я крою ее порошкомъ, который сниметъ ей кожу отъ затылка до пятокъ (тутъ лицо дѣвушки поблѣднѣло какъ у мертвой, и я замѣтилъ что ея рука трепещетъ въ рукѣ Реаль); потомъ, продолжалъ медикъ спокойно, я съѣлаю ей двѣ раны, одну на спинѣ, другую на груди, наконецъ, припишу къ шеѣ пятьдесятъ пиявокъ, и тогда она непременно очнется.» — Милосердый Боже! вскричалъ старый жидъ, она будетъ изуродована, и тогда Яковъ эль-Манко уже не захочетъ взять ея! — «Кто такой Яковъ эль-Манко?» спросилъ Реаль. — Это честный купецъ, жившій долгое время въ Испаніи. Я хочу за него выдать свою дочь. — «А она не хочетъ; она плакала, и съ тѣхъ поръ захворала?» Жидъ утвердительно кивнулъ головой, а Реаль съ важностью продолжалъ: «Я это зналъ; я вижу это по ея пульсу. Передъ употребленіемъ порошка для снятія кожи, я дамъ ей питье, которое, можетъ-быть, завтра же само собой вылечитъ ее; но, предварительно, если станете настаивать, чтобы она вышла за Якова эль-Манко, болѣзнь тотчасъ же возвратится, и тогда уже будетъ неизлечима.» — Да я, пожалуй, охотно откажусь отъ этого союза, отвѣчалъ отецъ: что проку, когда она выйдетъ замужъ и будетъ разбита параличемъ или изуродована. Ради Господа Бога нашего, вылечите ее питьемъ, чтобы она не осталась у меня на рукахъ безъ кожи и съ язвами!

Реаль вынулъ изъ кармана старую лайковую перчатку, которая служила ему вмѣсто кошелька, отрезалъ кусокъ этой засаженной кожи и отдалъ жиду, приказавъ сварить ее въ бутылкѣ воды, съ солью и съ горстью анельсинныхъ листьевъ, и давать больной пить. «Завтра я прійду, прибавилъ онъ уходя, и надѣюсь найти дочь вашу здоровою.» Мнѣ показалось, что на губахъ пациентки мелькнула легкая улыбка, и что она пожала руку искуснаго врача. Старый жидъ предложилъ ему тридцать франковъ за чудесное исцѣленіе, а Малагуэньо, за труды переводчика и за рекомендацію, выманилъ у него еще пару туфель. Гуэрра все время былъ на дворѣ и кое-какъ разговаривалъ съ дѣвушками. Мы тоже присѣли къ нимъ; невольница принесла финиковъ и кофе, и мы провели тутъ время до вечера. Тутъ мы, въ первый разъ въ Африкѣ, нашли на нѣсколько минутъ удовольствія и развлечения.

На другой день Малагуэньо предложилъ намъ идти посмотрѣть на выходъ султана въ мечеть, послѣ болѣзни. Онъ провелъ насъ на удобное мѣсто, на вѣншемъ дворѣ дворца, откуда мы могли все видѣть. Только-что мы усѣлись, изъ вторыхъ воротъ вышли чело-вѣкъ двѣнадцать Мавровъ, съ палками, начали колотить по всемъ бродившимъ около. Мѣсто очистилось, пришла гвардія султана и выстроилась въ два фронта, по всей дорогѣ отъ дворца къ мечети. Наступила глубокая тишина. Эта обширная площадь, съ двумя живыми, но неподвижными стѣнами солдатъ, и эта толпа любопытныхъ зрителей, въ отдаленіи, въ почтительномъ молчаніи передъ неумолимою палкой, представляли странное и вмѣстѣ торжественное зрѣлище. Вдругъ забили барабаны и, съ минутой спустя, появился султанъ. Онъ сидѣлъ на конѣ, въ шелковыхъ, вышитыхъ

туфляхъ, въ голубомъ верхнемъ платъ, въ бѣлой чалмѣ, безъ всякихъ украшеній. Въ гордомъ, спокойномъ лицѣ его господствовалъ типъ африканскій; въ чертахъ его не было той красоты и правильности, какими отличаются чистые Мавры: губы у него были толсты, носъ приплюснутый, однако жъ въ быстрыхъ глазахъ выказывались умъ и мужество. Благоговѣніе толпы, павшей ницъ при его появленіи, было понятно. Шествіе подвигалось медленно, и я досужно могъ разсмотрѣть африканскаго деспота. У дверей мечети онъ сошелъ съ лошади, снялъ туфли и, съ смиреннымъ видомъ, вступилъ въ святилище. Народъ въ ту же минуту опять заволокновался, солдаты разбрелись изъ рядовъ, всѣ смѣшались въ шумную толпу, куда палка снова не поставила каждаго на свое мѣсто.

Прошло нѣсколько весьма скучныхъ дней; Малагуэньо не являлся, и мы вовсе не знали, что съ нами будетъ. Но вдругъ, однажды, утромъ, Малагуэньо вбѣжалъ къ намъ запыхавшись, и объявилъ, что бригада выступаетъ въ походъ, въ Мекинесь, и что намъ надобно поспѣшить соединиться съ нею. Намъ показалось страннымъ, что насъ не предупредили раньше, а Малагуэньо было смѣшно, что мы дѣлаемъ подобныя замѣчанія. Во всякомъ случаѣ надо было повиноваться. Мы собрали свой бѣдный скарбъ и вышли къ западнымъ воротамъ. Отрядъ, состоявшій изъ тысячи всадниковъ, уже выступалъ. Впереди ѣхалъ начальникъ окруженный нѣсколькими офицерами. Всѣ были на коняхъ, только намъ, по-видимому, предстояло итти пѣшкомъ. Это предвѣщало не доброе; я понялъ жалкую роль, которая досталась на нашу долю, и это въ-концѣ разрушило слабую надежду на будущее.

Мы пошли вслѣдъ за арріергардомъ; голова колонны уже исчезала въ концѣ долины между двумя высокими холмами. Погода была пасмурная; ласточки ширяли по землѣ, лягушки гудѣли въ густой травѣ, все предвѣщало дождь. Мы шли по неровной, изрытой, дорогѣ, между обширныхъ воздѣланныхъ полей и, мѣстами, садовъ, разгороженныхъ плетнями. Но во всей этой плодородной долинѣ не видно было ни одного дому, ни одной хижины трудолюбиваго земледѣльца; не было ни стадъ, ни домашнихъ птицъ; повсюду тишина и безмолвіе: эти поля воздѣланы руками невольниковъ, которые не имѣютъ права наслаждаться плодами своихъ трудовъ.

Мы и такъ съ трудомъ поспѣвали за коннымъ отрядомъ, но тутъ еще пошелъ дождь, дорогу размыло и мы стали вязнуть поколѣно въ грязи. Одинъ изъ нашихъ товарищей, Бера, больной съ самаго отправления изъ Танжера, совершенно лишился силъ, и мы, мокрые до костей, утомленные, не знали какъ унести его съ собою. Дождь усиливался. Надъ нами, въ тяжелыхъ свинцовыхъ облакахъ, глухо раскатывался громъ. Отрядъ уже совершенно исчезъ изъ виду. Мы остались одни, въ грязной пустынѣ. Оставалось еще тринадцать миль до Мекинеса, а мы не знали дороги. Хотѣли ужъ воротиться въ Фець, но опасались варварскаго, унижительнаго, наказанія, и такъ сидѣли въ перѣшности, на краю дороги, пока, къ великой радости нашей, подѣхалъ какой-то негръ, на лошацѣ. Мы ваяли его отвезть Бера до Мекинеса, и онъ согласился за нѣсколько монетъ, цѣною около пятнадцати франковъ, съ тѣмъ, чтобы самому ему остаться въ сѣдлѣ, а товарища нашего посадить передъ собой. Деньги онъ потребовалъ

впередъ. Мы принуждены были удовлетворить его, и двинулись въ походъ. Дождь продолжалъ лить какъ изъ ведра. Мы съ трудомъ вытаскивали ноги изъ грязи, а негровъ мулъ бодро шелъ подъ двойною ношей и опередилъ насъ шаговъ на триста. Вдругъ онъ остановился; негръ соскочилъ, будто для того чтобы поправить сѣдло. Разбойникъ схватилъ Бери за ногу, сдернулъ на-земь, вскочилъ на мула и.... только и видѣли его. Мы подбѣжали; Бери лежалъ въ грязи, голова была разбита, глаза полу-открыты, ротъ полонъ крови. Мы уже думали, что онъ мертвъ. Вытащивъ его изъ грязи, мы напрасно искали глазами сухаго мѣста, куда бы его положить. Фареньясъ сѣлъ на краю дороги и принялъ голову несчастнаго къ себѣ на колѣни. Мы обмыли ему рану и перевязали платкомъ. Дождь обливалъ его помертвѣвшее лицо. Положеніе было ужасное. Черезъ четверть часа бѣдный открылъ глаза. Онъ пожалъ мнѣ руку и сказалъ: «Другъ мой, я думалъ, что умираю.... О! это было бы великое счастье!» Я не зналъ, гдѣ найти словъ для утѣшенія его: у меня у самого смерть была уже въ груди; всѣ молчали, даже Реаль призадумался; и его твердость была истощена. Но это уныніе не продолжалось: онъ первый поднялся, и своими ободреніями, своимъ примѣромъ подстрекалъ насъ продолжать путь. Онъ съ Фареньясомъ взялъ Бери подъ-руки и пошелъ впередъ. Два часа шли мы по едва обозначенной дорогѣ, въ совершенномъ пустырьѣ; уже голодъ начиналъ мучить, и надежда на-утро достигнуть до мѣста назначенія, едва поддерживала наши исчезающія силы. Къ-вечеру, немного переমেжившійся дождь снова пошелъ съ необычайною силой; въ одну минуту дорога превратилась въ безбрежный потокъ; отовсюду слышался шумъ струящейся и плещущей воды. Въ этой крайности мы успѣли укрыться въ небольшой рощѣ, у края дороги. Убѣжище было не укромное, но идти далѣе было уже не возможно. Вдругъ, слышимъ, конскій топотъ; ближе и ближе. Я возблагодарилъ Провидѣніе, что оно посылаетъ намъ помощь, и вышелъ на дорогу. То были осемь конныхъ Мавровъ, въ широкихъ бѣлыхъ плащахъ, съ чалмами на головахъ; съ ними было около дюжины пѣшихъ негровъ, которые держась за гривы лошадей своихъ господъ, бѣжали по грязи въ шагъ. Гуэрра, Фареньясъ и Эспила тоже вышли изъ рощи, но только-что Мавры насъ замѣтили, обнажили сабли и бросились въ атаку. При этомъ неожиданномъ нападеніи, первымъ нашимъ движеніемъ былъ побѣгъ въ рощу; но мошенники скоро проникли въ это слабое укрѣпленіе. Я не помню чтобы когда-либо въ жизни былъ терзаемъ такимъ бышенствомъ, какъ въ эту минуту: бѣжать безоружному отъ нѣсколькихъ негодяевъ, просить пощады у разбойниковъ, когда могъ бы однимъ махомъ раздавить презрѣннаго врага, — это униженіе ужасно. Эспила закричалъ, спросилъ, что имъ отъ насъ нужно. Негры, вмѣсто отвѣту, бросились на Бери и раздѣли его. Разбойники прельстились нашею бѣдною одеждою. Надобно было отдать имъ все, чтобы не быть изрубленнымъ въ куски. Они оставили насъ въ чемъ мать родила. Развернувъ наши пояса, въ которыхъ было по нѣскольку монетъ, негры загикали, заржали, отъ радости. Всадники взяли деньги, а рубища наши оставили рабамъ. Тѣ, тутъ же со смѣхомъ и криками, раздѣлили добычу, между-тѣмъ какъ

мы старали отъ стыда и бѣшенства. Въ нѣсколько минутъ разбойники исчезли за холмомъ; мы остались одни въ пустынь, измученные усталостью, голодомъ, и совершенно нагіе. Бера дрожалъ всѣмъ тѣломъ, мы сътѣснились около него, чтобы сколько-нибудь обогрѣть больного своими тѣлами, и такъ сидѣли нѣсколько времени на мокрой землѣ, не зная, что начать, на что рѣшиться. Гуэрра и Реаль одни сохранили нѣсколько твердости; Мичиленья задыхался отъ ярости, что не могъ когтями и зубами разорвать безсовѣстныхъ разбойниковъ. Наконецъ Гуэрра вскочилъ и вскричалъ, что стыдно намъ сидѣть и дожидаться смерти; надо идти куда есть силы. Можетъ статься, скоро достигнемъ Мекинеса и найдемъ какую-нибудь помощь. «Въ дорогу! воскликнулъ и Реаль, возвратившись къ своей веселости: теперь воры ужъ не вздумаютъ шарить въ нашихъ карманахъ. Авось теперь скорѣй дойдемъ: на плечахъ по-легче стало.» Въ самомъ дѣлѣ мы были такъ на-легкѣ, какъ рѣдко случается быть путешественникамъ: на животѣ ничего и въ животѣ пусто.

Дождь пересталъ; мы вышли на песчаную дорогу, по которой стало удобнѣе идти. Спусти около двухъ часовъ, мы замѣтили у дороги соломенные крыши небольшого селенія. Мавры выгоняли скотъ на пастбище. Замѣтивъ насъ, они прибѣжали съ любопытствомъ поглядѣть на нашу нищету и наготу. Въ-минуту мы были окружены и засыпаны вопросами. Эспила пытался объяснить имъ, отчего мы путешествуемъ нагишомъ, но съ первыхъ словъ они поняли, что мы иностранцы и разразились хохотомъ, гиканьемъ, начали швырять въ насъ камнями. Самые умѣренныя удовольствовались тѣмъ, что бросали намъ въ лицо комья грязи. Минута страшная. Мы, какъ дикіе звѣри, готовы были броситься и растерзать безсовѣстныхъ, безчужденныхъ скотовъ. Но вдругъ появился старикъ, который по-видимому пользовался общимъ уваженіемъ: онъ повелительнымъ жестомъ остановилъ дальнѣйшія оскорбленія. Эспила рассказалъ ему все наше положеніе и какъ насъ обобрали воры. Старикъ, казалось, сострадалъ, особенно къ Беръ, котораго ноги были совершенно изрыты язвами. Онъ подаль намъ знакъ слѣдовать за собой, и мы понесли своего несчастнаго товарища къ конюшнѣ, которую намъ отвели для ночлега.

Это селеніе было самое бѣднѣйшее, какое мы встрѣчали. Мавры, въ своихъ ветхихъ, оборванныхъ, парусинныхъ одеждахъ, съ истощенными лицами, представляли идеалъ нищеты. Съ большимъ трудомъ можно было вымолить у нихъ горсть маису. При каждой просьбѣ Эспилы, они отвѣчали, что сами уже полгода умираютъ съ голоду, оттого что моръ истребилъ половину ихъ стада. Въ такомъ жалкомъ положеніи я уже сожалѣлъ и о томъ времени, когда мы путешествовали подъ конвоемъ Могаммеда, когда по вечерамъ имѣли, въ виду надежду отдохнуть въ какомъ-нибудь адуарѣ и купить за свои деньги нѣсколько пищи для утоленія голоду; я сожалѣлъ о Фецѣ, я сожалѣлъ о самыхъ дурныхъ минутахъ своей жизни, потому что никогда не находился въ положеніи хуже настоящаго. Между-тѣмъ я былъ еще не самый несчастный. Въ Беръ признакомъ жизни осталось одно только дыханіе; онъ былъ совершенно разслабленъ жестокою лихорадкою, и не видно было ни какой возможности продолжать съ нимъ пути. Я подсѣлъ къ нему, чтобы онъ могъ отдохнуть, положивъ го-

лову на мои колѣни, и спросилъ, что могу сдѣлать для него. «Ничего, другъ мой, отвѣчалъ онъ: я надѣюсь скоро кончить свои страданія. Попросите только Мавровъ, чтобы они позволили мнѣ умереть здѣсь.» — Я не оставлю васъ, сказалъ тутъ Фареньясъ: мы оба останемся здѣсь, покуда вы выздоровѣете. Между-тѣмъ друзья наши пойдутъ въ Мекинесъ и оттуда пришлютъ намъ какое-нибудь пособіе. — Это предложеніе было принято. Эспила пошелъ къ старику и объяснилъ нашу просьбу, и тотъ согласился; онъ даже вызвался самъ прислать намъ товарища, на своемъ мулѣ, какъ только тотъ выздоровѣетъ.

Такимъ образомъ, на-утро, мы должны были разстаться со своими бѣдными товарищами. Бера обнялъ насъ со слезами; я такъ же растроганный, обнадеживалъ его, что мы скоро увидимся. «У меня нѣтъ на это ни силъ ни надежды, отвѣчалъ онъ со вздохомъ: я даже не желаю этого.... я хочу умереть поскорѣй.»

Мы шли до полудня, и, благодаря нѣсколькимъ ветошкамъ которыми прикрыло насъ состраданіе стараго Мавра, могли приближаться къ селеніямъ, не опасаясь быть побитыми каменьями. Страна постепенно становилась больше и больше населенною, на обширныхъ лугахъ послись большія стада, и мимо насъ часто скакали конные Мавры. Погода была всё еще пасмурна, но дождь пересталъ и свѣжій вѣтерокъ подсушивалъ дорогу, на которой видны были слѣды недавняго проходу множества лошадей. Мы видѣли, что находимся на прямомъ пути въ Мекинесъ и это насъ немного успокоило. Насъ мучилъ голодъ. Мы уже выдергивали траву и разныя растенія; искали, нѣтъ ли какихъ-нибудь кореньевъ, которые бы можно было ѣсть, но ничего не нашли. Отъ времени до времени появлялось нѣсколько Мавровъ, которые съ любопытствомъ останавливались, спрашивали насъ. Но только, бывало, Эспила, съ смущеніемъ, протянетъ руку, чтобы попросить пищи, они ударятъ по лошадямъ и ускачутъ, осыпая насъ проклятіями. Наступала ночь; намъ предстояло провести ее въ открытомъ полѣ, на вѣтру и подъ дождемъ, безъ малѣйшаго куска пищи для утоленія голоду. Это придавало намъ смѣлости просить милостыни. Мы были въ то время въ узкой ложбинѣ, огражденной утесами, въ сотнѣ шаговъ отъ селенія, около котораго нѣсколько Мавровъ косили траву. Эспила почтительно подошелъ къ нимъ и объяснилъ наше положеніе. Тѣ стали кричать, называли насъ собаками. Напрасно Эспила увѣрялъ ихъ, что мы приняли вѣру пророка, варвары бросились на насъ и стали бить палками по нашимъ плечамъ, такъ, что я три мѣсяца носилъ на себѣ слѣды ихъ милосердія. Они прогнали насъ далеко отъ своего селенія, и грозились убить, если воротимся. Вдругъ Мичиленья остановился посреди дороги, какъ разъяренный быкъ передъ пикадорами; онъ расправилъ руки и взревѣлъ отъ бѣшенства, грозясь броситься на преслѣдующихъ. Я, въ ужасъ, закрылъ глаза, чтобы не видѣть какъ они убьютъ его. Варвары набѣжали, завязалась страшная, неровная, драка. Вдругъ послышался конскій топотъ и въ ту же минуту прискакали шестеро всадниковъ, вооруженныхъ карабинами. Мавры оставили насъ, а всадники закричали намъ по-арабски: «Идите! идите!» — Тутъ я узналъ одного изъ тѣхъ, которые

на-канунѣ швырляли въ насъ каменьями. Мы изумились и не знали, чему приписать такое неожиданное покровительство, однако жъ пошли; всадники за нами. Утомленные, мучимые голодомъ и, сверхъ-того, избытые, мы не далеко могли уйти и повалились на-земь. Тутъ Эспила осмѣлился спросить у всадниковъ, что значитъ ихъ нечаянная встрѣча съ нами, и ихъ отвѣтъ изумилъ насъ еще больше. Старикъ, у котораго остались Бера и Фареньясъ, вспомнилъ, что намъ далеко идти и что мы вѣроятно, не найдемъ нигдѣ пристанища, послалъ этихъ молодыхъ людей, чтобы проводили насъ и далъ имъ съ собой небольшой запасъ пищи, чтобы утолить нашъ голодъ. Мы не знали, что думать: это былъ первый примѣръ участія и соболѣзнованія, который мы видѣли въ Африкѣ. И Реаль тотчасъ ободрился. «Видишь, сказалъ онъ, вездѣ есть добрые люди!»

Отдохнувъ и поѣвши не много, мы добрались до ближняго селенія, гдѣ черезъ посредство нашихъ проводниковъ, хотя не безъ труда, добыли себѣ ночлегъ въ какомъ-то старомъ сараѣ, на голой землѣ. Съ зарею мы опять уже были на ногахъ. Мавры проводили насъ почти до воротъ Мекинеса, и тутъ мы простились, съ выраженіями благодарности, признательности, съ одной и съ обѣщаніями беречь и Бера и Фареньяса съ другой стороны.

Было около четырехъ часовъ по полудни, когда мы подошли на разстояніе ста шаговъ отъ городу. Тутъ былъ полу-разрушенный деревянный мостъ надъ горнымъ потокомъ. Мы сѣли отдохнуть. Признаюсь, что смотря на мутную, пѣнистую воду, которая съ шумомъ неслась по каменьямъ подъ моими ногами, мнѣ сильно хотѣлось броситься туда. Голова у меня кружилась, какая-то невидимая сила влекла меня въ пропасть. Я готовъ былъ упасть, когда Реаль вдругъ схватилъ меня подъ руки, отдернулъ отъ краю моста. «Что вы, съ ума сошли! вскричалъ онъ: не стыдно ли думать о самоубійствѣ? Умереть будетъ время и завтра.» Я содрогнулся какъ человѣкъ, котораго внезапно пробуждаютъ отъ сна, и мнѣ стало стыдно своей слабости. Мы пошли въ городъ. Насъ, какъ обыкновенно, обступила любопытная, нахальная, толпа, и преслѣдовала до самаго порогу жилища паша, куда намъ указалъ дорогу какой-то солдатъ. Паша мекинесскій былъ старый Мавръ съ весьма суровою наружностью. Онъ, не мигнувъ, выслушалъ Эспилу, и потомъ добрыхъ четверть часа сидѣлъ молча, не давая ни какого знака ни отвѣту. Мы думали, что онъ либо въ забытьи, либо не понималъ; онъ неподвижно смотрѣлъ въ потолокъ, какъ-бы тамъ отыскивая смыслъ нашей рѣчи, и только перебиралъ свои янтарныя четки. Мы тоже молчали и ждали что будетъ. Наконецъ паша, казалось, очувствовался, и важно произнесъ слова: «Запереть ихъ въ конюшню!» — Дѣло! промолвилъ Реаль: однако жъ эту глубокомысленную рѣчь не стоило жевать такъ долго.

Въ конюшнѣ мы нашли немного свѣжей соломы, и, могу сказать, что никогда пуховики, накрытые тонкимъ полотномъ, не казались мнѣ столь мягкими и роскошными какъ эта подстилка. Я легъ, разбитый, уничтоженный, безъ всякой мысли кромѣ опасенія быть слишкомъ скоро разбуженнымъ.

II.

ОБЗОРЪНІЕ

СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ И ПОЛИТИКИ.

СОБЫТІЯ ВЪ ОТЕЧЕСТВѢ.

НАГРАДЫ И НАЗНАЧЕНІЯ:

Высочайшими приказами производятся:

За отличие въ дѣлахъ противъ горцевъ: (августа двадцать-второго) черноморскаго линейнаго баталіона нумера пятаго: изъ подпоручиковъ въ поручики *Каменевъ 1*, со старшинствомъ съ шестаго апрѣля этого года, и *Чакни*; изъ прапорщиковъ въ подпоручики: *Каменевъ 2*, *Луговскій*, *Серединъ 2*, *Издебскій* и *Серединъ 3*, — всѣ пятеро со старшинствомъ съ шестаго апрѣля этого года; гарнизонныхъ артиллерійскихъ бригадъ, изъ прапорщиковъ въ подпоручики: одиннадцатой *Петровъ* и тринадцатой *Тупицынъ*, — оба со старшинствомъ съ шестаго апрѣля нынѣшняго года.

За отличие по службѣ: (августа двадцатаго) командиръ конно-артиллерійской, нумера четырнадцатаго, батареи оренбургскаго казачьяго войска, войсковой старшина *Барминъ*, въ подполковники, съ оставленіемъ въ настоящей должности; въ корнеты: уланскихъ полковъ: смоленскаго: изъ эскадртъ-юнкеровъ: *Бабарыкинъ*, *Зыбинъ 1*, *Красноленскій*, *Львовъ*, и изъ юнкеровъ *Захаревскій*; харьковскаго: изъ эскадртъ-юнкеровъ: *Анушкинъ 1*, *Борзенковъ*, *Соковнинъ*, и изъ юнкеровъ *Фацъ*; гусарскихъ полковъ: елисаветградскаго, изъ эскадртъ-юнкеровъ: *Михайловъ*, *Крашенинниковъ*, князь *Волконскій*, и изъ юнкеровъ *фонъ-Фохтъ*; Его Величества короля Ганноверскаго: изъ эскадртъ-юнкеровъ *фонъ-Левизъ-офъ-Меноръ*, и изъ юнкеровъ: *Волжинъ*, *Матвѣевъ*, *фонъ-Бокъ*, *Афросимовъ 1*, и *фонъ-Каленъ*.

За выслуженіемъ узаконенныхъ лѣтъ: (августа двадцать-второго) въ корнеты: уланскаго Его Императорскаго Высочества Эрцъ-Герцога Австрійскаго Альберта полка, изъ юнкеровъ *Емельяновъ 1*, въ волинскій уланскій полкъ; волинскаго уланскаго полка, изъ портупей-юнкеровъ *Заремба*, и изъ юнкеровъ *Пешинскій*; гусарскаго фельдмаршала князя Витгенштейна полка, изъ юнкеровъ *Михальча*; въ прапорщики: пѣхотнаго фельдмаршала герцога Веллингтона полка, изъ подпрапорщиковъ *Петровъ 2*, въ тотъ же полкъ; *Жванъ*, въ брестскій и *Шаулинскій*, въ бѣлостокскій пѣ-

хотные; мѣстнаго пѣхотнаго полка, изъ подпрапорщиковъ *Ринейскій*, и изъ унтеръ-офицеровъ: *Зиновьевъ*, *Араншоа-де-Крупс*, *Заворотко*, *Соловьевъ* и *Кондратенко*; витебскаго егерскаго полка, изъ юнкеровъ *Анциферовъ*, и изъ унтеръ-офицеровъ *Алексеенко*; полтавскаго пѣхотнаго полка, изъ подпрапорщиковъ *Слупецкій*, въ модинскій пѣхотный полкъ; елецкаго пѣхотнаго полка, изъ унтеръ-офицеровъ *Карповъ*; сѣвскаго пѣхотнаго полка, изъ унтеръ-офицеровъ *Гринкевичъ*, въ пражскій пѣхотный полкъ; брянскаго егерскаго полка, изъ унтеръ-офицеровъ *Марковъ*; егерскаго фельдмаршала князя Варшавскаго графа Паскевича-Эриванскаго полка, изъ юнкеровъ *Барановскій*, и изъ унтеръ-офицеровъ *Лебовъ*.

По экзамену: (августа двадцать-четвертаго) состоящіе при главномъ инженерномъ училищѣ: полевые инженеры: изъ подпоручиковъ въ поручики: *Романовъ*, *Мейеръ* и *Сердешиневъ*; изъ прапорщиковъ въ подпоручики: *Полморскій*, со старшинствомъ съ двадцать-шестого августа 1840 года, *Мановскій*, *Барановъ*, *Колобовъ*, *Бондаревскій*, *Зырьевъ*, *Фрейганъ*, *Готовскій*, *Паукеръ* и *Тюринъ*; третьей артиллерійской бригады, изъ прапорщиковъ въ подпоручики *Форселлесъ*, въ полевые инженеры.

На вакансіи: (августа двадцать-пятого) лейбъ-гвардіи кавказско-горскаго полуэскадрона ротмистръ *Тугановъ*, въ полковники, съ назначеніемъ командиромъ этого полуэскадрона, на мѣсто флигель-адъютанта, полковника *Ханъ-Гирей*.

Въ сравненіе съ сверстниками: (августа двадцать-четвертаго) бутырскаго пѣхотнаго полка, изъ прапорщиковъ въ подпоручики *Новохатный*, со старшинствомъ съ двадцатаго іюня нынѣшняго года.

Увольняется отъ службы: (августа двадцатаго) рязанскаго внутренняго гарнизоннаго баталіона поручикъ *Балашовъ*, за ранами, штабсъ-капитаномъ, съ мундиромъ и пенсіономъ полнаго жалованья.

Назначаются: (августа двадцатаго) старшій адъютантъ второй кирасирской дивизіи, кирасирскаго Его Свѣтлости принца Петра Ольденбургскаго полка ротмистръ *Арбеневъ*, адъютантомъ къ начальнику означенной дивизіи, генераль-лейтенанту Ихонтову, на мѣсто штабсъ-ротмистра орленскаго кирасирскаго полка *Малеванаго*, а этотъ старшимъ адъютантомъ въ ту же дивизію; рязанскаго полка полковникъ *Путинъ*, командиромъ суздальскаго пѣхотнаго полка; (двадцать-третьяго) осьмаго флотскаго экипажа лейтенантъ *Левенгагенъ*, адъютантомъ къ главному командиру ревельскаго порта, адмиралу графу Гейдену; шестаго рабочаго экипажа штабсъ-капитанъ *Павловъ*, состоятъ по рабочимъ экипажамъ; лейбъ-гвардіи кавказско-горскаго полуэскадрона штабсъ-ротмистръ султанъ *Аганъ-Гирей*, по кавалеріи, майоромъ, съ состояніемъ при отдѣльномъ Кавказскомъ корпусѣ; (августа двадцать-пятого) перваго оренбургскаго казачьяго полка ротмистръ *Шмурло*, адъютантомъ къ наказному атаману оренбургскаго казачьяго войска, генераль-майору графу *Цукато*. (Р. И.)

Высочайшими указами всеимостивѣйше пожалованы:

Въ дѣйствительные статскіе совѣтники: (августа шестнадцатаго) состоящій въ вѣдомствѣ министерства иностранныхъ дѣлъ статскій совѣтникъ *Брюнетъ*.

Въ статскіе совѣтники: (августа тринадцатаго) лейбъ-медикъ двора Его Императорскаго Величества, коллежскій совѣтникъ *Раухъ*.

Въ коллежскіе ассессоры: (августа двадцатаго) лекаръ черноморскаго линейнаго, нумера пятого, баталіона, титулярный совѣтникъ *Бобровицъ*.

Въ губернскіе секретари: (августа четырнадцатаго) состоящій въ должности столоначальника владимірскаго губернскаго правленія четырнадцатаго класса князь *Звенигородскій*.

Въ коллежскіе регистраторы: (августа осьмага) состоящіе въ штатѣ санктпетербургской полиціи: брантмейстеры: Тимофей *Малышкинъ*, Иванъ *Степановъ*, унтеръ-офицеры: Лука *Поповъ*, Павелъ *Пчелкинъ*, Максимъ *Гошиновъ*; (августа четырнадцатаго) писарь штаба второй драгунской дивизіи Кириллъ *Сидоренко*; (августа тринадцатаго) старшій писарь штаба перваго резервнаго кавалерійскаго корпуса Федоръ *Васильковский*; (августа пятнадцатаго) музыканты унтеръ-офицерскаго званія гвардейскихъ полковъ: егерскаго Никита *Чуляковъ*, павловскаго Василій *Храмаченковъ* и гренадерскаго Императора Франца I, Андрей *Андреевъ*.

Въ аудиторы: (августа осьмага) писарь штаба седьмой легкой дивизіи Тимофей *Ивановъ*; (августа тринадцатаго) прикомандированные въ аудиторскій департаментъ, аудиторскіе писари ордонансъ-гаузовъ: минскаго, — Александръ *Карловъ* и архангельскаго Андрей *Родионовъ*; писарь штаба двадцатой пѣхотной дивизіи Михаилъ *Зименко*.

—Въ званіе потомственнаго гражданства удостоены правительствующимъ сенатомъ: санктпетербургская первой гильдіи купеческая жена Доротея *Шлиссеръ*, съ сыновьями: Васильемъ, Карломъ, Андреемъ, Александромъ, Федоромъ, дочерьми: Генріеттою, Дарьею, и перваго сына Василья, дѣтьми: сыновьями: Христіаномъ, Фридрихомъ, Васильемъ, Федоромъ, и дочерьми: Любовью, Ольгою и Камиллою. Купцы второй гильдіи: архангельскій, Степанъ *Поповъ* съ женою Любовью Андреевою, сыновьями: Дмитріемъ, Константиномъ, Алексѣемъ и дочерью Матреною; московскій, Петръ *Вишняковъ*, съ женою Анною Сергѣевскою, сыновьями: Иваномъ, Семеномъ, Сергѣемъ, Владиміромъ, Михайломъ, и дочерью Людмиллою. Бывшіе воспитанники санктпетербургскаго коммерческаго училища: Михаилъ *Кауль* и Илья *Герасимовъ*, удостоены личнаго потомственнаго гражданства.

Назначаются: (августа шестаго) дѣвица Софія *Ребиндеръ*, фрейлиною къ Ея Императорскому Высочеству Великой Княгини Маріи Николаевны; (августа четырнадцатаго) на мѣсто управляющаго Петергофскимъ Дворцомъ генераль-лейтенанта Эйхена I, корпуса инженеровъ путей сообщенія генераль-маіоръ *Лихардовъ*, съ присоединеніемъ и фонтанной части, подъ вѣдѣніемъ главноуправляющаго дворцовыми правленіями генераль-лейтенанта Захаржевскаго; (августа шестнадцатаго) старшій секретарь посольства въ Парижѣ статскій совѣтникъ *Шписъ*, генеральнымъ консуломъ во Франціи; (августа девятнадцатаго) управляющій департаментомъ хозяйственныхъ и счетныхъ дѣлъ министерства иностранныхъ дѣлъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ, церемоніймейстеръ двора Его Императорскаго Величества, графъ *Борхъ* директоромъ этого департамента. (С. В.)

Высочайшими указами всемилостивѣйше пожалованы кавалерами орденовъ.

Святаго владиміра третьей степени: (августа перваго) главный докторъ обуховской больницы и директоръ фельдшерской школы докторъ медицины и хирургіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Майеръ*.

Святой анны второй степени императорскою короною украшеннаго: (августа перваго) доктора медицины и статскіе совѣтники: главный докторъ маринской больницы въ Москвѣ *Остроужскій* и главный докторъ при Александринскомъ сиротскомъ институтѣ *Броссе*.

Святаго станислава второй степени императорскою короною украшеннаго: (августа перваго) коллежскіе совѣтники: директоръ санктпетербургскаго коммерческаго училища *Вознесенскій* и состоящій при московскомъ воспитательномъ домѣ штабъ-лекарь *Кошкадаловъ*.

Святаго станислава второй степени: (августа перваго) директоръ экспедиціи московской сохранный казны, статскій совѣтникъ *Кноррингъ*; помощникъ директора ремесленнаго учебнаго заведенія при московскомъ во-

спитательномъ домѣ, коллежскій совѣтникъ *Балашовъ*; бухгалтеръ санктпетербургской сохранный казны седьмаго класса *Гамбурцовъ* и пол. цеймейстеръ воспитательнаго общества благородныхъ дивичъ, отставной ротмистръ *фонъ-Гейкингъ*; (августа пятаго) дежурный штабъ-офицеръ при кievскомъ военномъ, подольскомъ и вольнскомъ генералъ-губернаторъ состоящій по кавалеріи подполковникъ *Стоговъ* 2.

Святой анны третьей степени: (августа четвертаго) командиръ транспорта «Тверь», осьмаго флотскаго экипажа капитанъ втораго ранга *Борзенковъ*.

Медальми: (августа седьмаго) санктпетербургскіе третьей гильдіи купцы: *Киселевъ*, зологою на владимірской лентѣ, а *Шевнинъ* на анненской.

(С. В.)

Землями: (августа одиннадцатаго) бригадные командиры второй бригады семнадцатой пѣхотной дивизіи, генералъ-маіоръ *Квицинскій*, и второй бригады осмнадцатой пѣхотной дивизіи генералъ маіоръ *Загорскій*, и полковые командиры: московскаго пѣхотнаго полка, полковникъ *Добржанскій* и тарутинскаго егерскаго полка, полковникъ *Святогоръ-Штепинъ*, первые двое по двѣ тыщи десятинъ, а послѣдніе по тысячѣ пяти сотъ десятинъ каждому, съ повелѣніемъ отвести эти земли *Квицинскому* и *Добржанскому* въ вятской, а *Загорскому* и *Святогору-Штепину* въ вологодской губерніяхъ.

— Почетный старшина демидовскаго дома призрѣнія трудящихся *Василій Пивоваровъ*, въ ознаменованіе высокаго посѣщенія Ея Императорскимъ Высочествомъ Великою Княгинею Маріею Павловною демидовскаго дома призрѣнія трудящихся и удостоенный лично вниманія Ея Высочества, принесъ въ даръ парчу для устройства въ церкви дома трудящихся новаго облаченія. Государыня Императрица, по всеподданнѣйшему представленію объ этомъ попечителя дома трудящихся генералъ-адъютанта графа Бенкендорфа, Высочайше повелѣть соизволила: объявить почетному старшинѣ *Пивоварову* Всемиловѣйшее Ея Императорскаго Величества благоволеніе за такое усердное приношеніе.

— Съ 1815 года, въ продолженіи уже двадцати-пяти лѣтъ, существуетъ въ Москвѣ армянскій институтъ Лазаревыхъ, весьма замѣчательное заведеніе, основанное и поддерживаемое благотворительностію той же фамиліи, которая основала и упрочила состояніе всѣхъ пяти Армяно-Грегоріанскихъ церквей въ обихъ столицахъ. Положившій начало этому благотворенію для своихъ соплеменниковъ Лазарь Назарьевичъ *Лазаревъ*, дѣти его и внуки постоянно подвизались на этомъ достохвальномъ поприщѣ, утверждая за собою признательность націи въ современникахъ и потомствѣ. Ихъ пожертвованіями и попеченіемъ церкви пріобрѣли свое благолѣпіе и достояніе; ихъ иждивеніемъ устроены и институтъ, имѣющій болѣе 200,000 рублей ассигнаціями постояннаго капитала, нѣсколько принадлежащихъ ему домовъ, особую типографію, бібліотеку и всѣ нужныя для заведенія кабинеты. Съ 1816 по 1837 годъ воспитано было въ этомъ институтѣ на одномъ иждивеніи Лазаревыхъ до 170 молодыхъ людей; сверхъ-того образовалось 178 пансіонеровъ, 114 полупансіонеровъ и 42 ученика, обучавшихся безъ всякой платы. Изъ молодыхъ людей, въ числѣ 504 человекъ, окончившихъ здѣсь въ продолженіи означеннаго двадцати-лѣтія свое ученіе, до осмидесяти поступило въ другія высшія учебныя заведенія, и всѣ вообще посвятили плоды образованія своего службѣ государственной, въ званіи учителей, медиковъ, переводчиковъ и въ отправленіи другихъ важнѣйшихъ обязанностей на поприщѣ военномъ и гражданскомъ.

Въ росписаніи учебныхъ заведеній, Высочайше утвержденномъ двадцатаго ноября 1835 года, институтъ Лазаревыхъ помѣщенъ во второй разрядъ, наравнѣ съ гимназіями. По цѣли и составу, онъ довольно сходствуетъ съ нѣмецкимъ училищемъ при евангелической церкви Св. Петра, учрежденномъ на счетъ отдѣльнаго общества въ имперіи, но приготовляющемъ полезныхъ

сыновъ отечеству безъ различія націи и вѣроисповѣданія. Главнѣйшая разность состоитъ въ источникѣ способовъ, полученныхъ институтомъ преимущественно отъ одной фамиліи, и въ распространеніи круга учебныхъ предметовъ его присоединеніемъ къ нимъ нѣсколькихъ восточныхъ языковъ: въ московскомъ институтѣ Лазаревыхъ, наравнѣ со всѣми науками, входящими въ обыкновенный курсъ ученія, преподаются языки: армянскій, турецкій, арабскій и персидскій отъ чего заведеніе называется также институтомъ восточныхъ языковъ.

Одиннадцатаго марта 1836 года состоялось Высочайше утвержденное положеніе объ управленіи дѣлами армяно-грегоріанской церкви. Для достиженія благотворныхъ цѣлей этого положенія, предположено было учредить въ епархіяхъ армянскія семинаріи; но предположеніе, столь необходимое для приготовленія юношества къ духовному званію, останавливалось недостаткомъ способныхъ людей и нужныхъ для того капиталовъ. При армянскихъ церквахъ въ обѣихъ столицахъ нѣтъ также заведеній, въ которыхъ бы могли образоваться молодые люди, желающіе посвятить себя этому важному назначенію; тѣ же причины служили и здѣсь постояннымъ препятствіемъ къ основанію при которой-нибудь изъ нихъ подобнаго заведенія. Имѣя въ виду отклонить этотъ недостатокъ разсадника для воспитанія образованнаго духовенства армяно-грегоріанскаго исповѣданія, главный начальникъ московскаго института Лазаревыхъ, генералъ-адъютантъ графъ *Бенкендорфъ* сообщилъ министру внутреннихъ дѣлъ предположеніе объ основаніи съ этою цѣлію особаго отдѣленія при самомъ институтѣ и соединеніи съ нимъ для того всѣхъ армянскихъ церквей въ столицахъ подъ одно общее, въ хозяйственномъ отношеніи, управленіи. Правила къ приведенію въ исполненіе этого предположенія, составленныя ечмιάзинскимъ армяно-грегоріанскимъ синодомъ и соглашенныя въ минстерствѣ внутреннихъ дѣлъ съ общими законоположеніями, удостоены Высочайшаго утвержденія по положенію комитета господъ министровъ, сообщенному четвертаго февраля.

На основаніи этихъ правилъ, при Лазаревыхъ институтѣ восточныхъ языковъ въ Москвѣ учреждается особое отдѣленіе, посвященное собственно на приготовленіе юношей изъ духовнаго сословія армянскаго исповѣданія къ поступленію, или въ духовное званіе, или учителями въ армянскія семинаріи по епархіямъ, или же въ должности по ечмιάзинскому армяно-грегоріанскому синоду, армянскимъ консисторіямъ и духовнымъ правленіямъ. Въ этомъ отдѣленіи состоятъ отъ пятнадцати до двадцати воспитанниковъ. Для нихъ сверхъ предметовъ, по уставу института положенныхъ, назначаются особенныя лекціи, которыя заключаютъ въ себѣ: курсъ догматическаго богословія, по правиламъ вѣроисповѣданія армяно-грегоріанской церкви, курсъ толкованія священнаго писанія, объясненія литургіи и церковной исторіи. Сверхъ того объясняются обязанности истиннаго пастыря церкви къ своему сану, правительству и къ людямъ вообще. Всѣ правила института, касательно изученія русскаго языка, считаются равно относящимися и къ этому отдѣленію. Воспитанникамъ института, поступающимъ въ духовное званіе, вменяется въ обязанность представлять свидѣтельство о своемъ знаніи русскаго языка. Для достиженія цѣли, предполагаемой при учрежденіи этого новаго отдѣленія, армяно-грегоріанскія церкви въ обѣихъ столицахъ и московскій Лазаревыхъ институтъ соединяются подъ одно общее, въ хозяйственномъ отношеніи, управленіе. Оно вѣрится особому попечителю, который, какъ главный начальникъ, заведываетъ всѣми дѣлами, до этого относящимися. Для вспоможенія попечителю въ исполненіи его обязанностей, избираются изъ среды армянскихъ обществъ санктпетербургскаго и московскаго, и утверждаются попечителемъ на три года, особые два лица, которые, подъ названіемъ старостъ, или ктиторовъ церковныхъ, занимаются, подъ руководствомъ попечителя, всѣми текущими дѣлами. Потребная часть изъ доходовъ армянскихъ церквей въ обѣихъ столицахъ, преимущественно церквей санктпетербургскихъ, ежегодно обращается на содержаніе духовнаго отдѣленія при ин-

ститутѣ. Во вниманіе къ оказаннымъ фамиліею *Лазаревыхъ* значительнымъ пожертвованіямъ на сооруженіе и содержаніе дома для института восточныхъ языковъ и на содержаніе столичныхъ армянскихъ церквей и при нихъ строгій, право на званіе попечителя армяно-грегоріанскихъ церквей въ обѣихъ столицахъ и московскаго института восточныхъ языковъ навсегда предоставляется фамиліи *Лазаревыхъ*, и переходитъ въ ней изъ рода въ родъ по праву первородства. Вслучаѣ престыченія рода *Лазаревыхъ*, послѣдній попечитель назначаетъ преемникомъ по себѣ ближайшаго изъ своихъ родственниковъ, или и изъ постороннихъ, кого признаетъ къ тому способнымъ и достойнымъ изъ лицъ армяно-грегоріанскаго исповѣданія. Если такое назначеніе по какой-либо причинѣ не послѣдуетъ, тогда обитающіе въ обѣихъ столицахъ армяно-грегоріанскаго исповѣданія избираютъ достойнаго попечителя, съ согласія нахичеванскаго и бессарабскаго армянскаго епархіальнаго архіепископа, испросивъ на то предварительно разрѣшеніе эчмиадзинскаго армяно-грегоріанскаго синода; а потомъ о избранномъ представляется чрезъ главное начальство института, на Высочайшее утвержденіе.

(Изъ Ж. М. В. Д.)

— Жители подляской губерніи, желая ознаменовать богоугоднымъ дѣломъ, всерадостный день бракосочетанія Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича, сдѣлали денежное приношеніе въ пользу Сѣдлецкой городской больницы и для пособія немущимъ; причемъ ходатайствовали объ изпрошеніи Высочайшаго соизволенія на именovanje означенной больницы *Маріинскою*.

Государь Императоръ, по полученіи донесенія объ этомъ намѣстника Царства Польскаго, удостоивъ Высочайшаго одобренія приношеніе жителей, всемилостивѣйше соизволилъ на присвоеніе Сѣдлецкой больницы наименованія «*Маріинской*».

(О. Г. П. П.)

Разныя известія.

Путешествіе Государя Императора.

Двадцатаго августа, въ одиннадцать съ половиною часовъ вечера, Государь Императоръ изволилъ выѣхать изъ Царскаго Села по тракту чрезъ Динабургъ и Ковно, куда и прибылъ благополучно двадцать-второго числа, въ шесть часовъ вечера.

Двадцать-третьяго августа, въ десять часовъ утра, Его Императорское Величество изволилъ дѣлать смотръ войскамъ втораго пѣхотнаго корпуса, сосредоточеннымъ при городѣ Ковно.

Въ этотъ день были приглашены къ обѣденному столу Его Величества: господинъ главнокомандующій дѣйствующей арміею, генераль-квартирмейстеръ и начальникъ артиллеріи дѣйствующей арміи, командиръ втораго пѣхотнаго корпуса, дивизіонные начальники, начальникъ штаба и начальникъ артиллеріи втораго пѣхотнаго корпуса, виленскій и военный гражданскій губернаторъ и губернский предводитель дворянства.

Двадцать-четвертаго августа, въ десять часовъ утра, Государь Императоръ присутствовалъ на церковномъ парадѣ въ лагерѣ сводной пѣхотной дивизіи, и слушалъ обѣдню; потомъ изволилъ быть при разводѣ ладожскаго егерскаго полка, послѣ чего производилъ смотръ конкерамъ и рекрутамъ втораго пѣхотнаго корпуса.

Къ обѣденному столу Его Императорскаго Величества были приглашены: главнокомандующій дѣйствующей арміи и всѣ господа генералы и полковые командиры, въ Ковнѣ находящіеся. Въ семь часовъ вечера, Его Величество, вмѣстѣ съ генераль-фельдмаршаломъ княземъ варшавскимъ, изволилъ осматривать военно-временный госпиталь. — Двадцать-шестаго ав-

густа, въ осемь часовъ утра, Государь Императоръ, изволилъ присутствовать на линейномъ ученьѣ, произведенномъ войсками втораго пѣхотнаго корпуса на Линковскомъ учебномъ полѣ, и ученьемъ этимъ былъ совершенно доволенъ.

Къ обѣденному столу Его Величества приглашены были: главнокомандующій дѣйствующей арміею, командиръ втораго пѣхотнаго корпуса и дивизіонные, бригадные и полковые командиры войскъ втораго пѣхотнаго корпуса.

— Двадцать-девятого августа получены на телеграфѣ Царскаго Села по телеграфу изъ Варшавы слѣдующія извѣстія: *Отъ двадцать-осмаго числа въ три часа утра*: Государь Императоръ прибылъ благополучно въ Новогеоргіевскъ; *отъ двадцать-осмаго числа въ три часа и тридцать минутъ вечера*: Государь Императоръ благополучно прибылъ въ Варшаву.

— Двѣнадцатаго августа Ея Императорское Высочество Государыня Великая Княгиня Марія Павловна съ Супругомъ Своимъ, Владѣтельнымъ Великимъ Герцогомъ Саксенъ-Веймарскимъ, возвращаясь въ свои владѣнія, изволила отбыть изъ Петергофа до Штетина на пароходѣ «Богатырь». Августѣйшая путешественница была сопровождаема Его Величествомъ Государемъ Императоромъ и Его Императорскимъ Высочествомъ, Государемъ, Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ до Толбухина маяка. За нѣсколько времени до того Его Королевское Высочество Великій Герцогъ, въ сопровожденіи генераль-адъютанта князя *Лобанова-Ростовскаго* и всей свиты, предпринималъ изъ Петергса потѣзку водою, въ Финляндію, для обозрѣнія величественнаго водопада Иматры.

— Изъ Олонца пишутъ отъ семнадцатаго августа: «Въ минувшемъ іюлѣ, дожди, бывшіе почти три недѣли, совершенно остановили уборку изобильнаго урожая сѣна; но съ самаго начала августа постоянно хорошая погода способствовала уборкѣ, такъ, что потеря времени оказалась почти незамѣтною. Сѣно собрано и складено въ стоги совершенно сухое; по примѣрному исчисленію можетъ быть употреблено въ губерніи на продажу отъ 200,000 до 300,000 пудовъ. Нынѣ промышленники, для отправленія въ Санктпетербургъ, нагрузили почти въ одно время лучшаго сѣна пятнадцать судовъ, полагая въ каждомъ по 75,000 пудовъ. Средняя цѣна была четыре копейки серебромъ, такъ, что со всѣми расходами, утрускою и доставкою въ Санктпетербургъ можетъ обойтись въ десять копѣекъ серебромъ пудъ. (К. Г.)»

— Втеченіи прошлаго августа мѣсяца по желѣзной дорогѣ проѣхали 96,402 пассажира и сборъ простирался до 57,048 рублей 53 копѣекъ серебромъ (129,669 рублей 85½ копѣекъ ассигнаціями).

— Въ тридцати верстахъ отъ Чернигова, въ лѣсахъ помѣщиковъ *Посудевскихъ*, *Лашкевича*, *Дурнови* и *Милорадовича*, появились новаго рода наѣкомыя, которыя, по прожорливости своей и губительному свойству для сосновыхъ деревьевъ, угрожаютъ совершеннымъ истребленіемъ сосѣднихъ лѣсовъ. Состоящій въ должности черниговскаго гражданскаго губернатора, господинъ *Гессе* осматривалъ вмѣстѣ съ инспекторомъ врачебной управы, господиномъ *Любарскимъ*, сосновый лѣсъ помѣщиковъ *Посудевскихъ*, въ которомъ, къ крайнему, удивленію, нашли, что вѣковые сосны отъ самыхъ верхушекъ до нижнихъ вѣтвей совершенно обнажены и представляютъ разительную противоположность съ прочимъ зеленѣющимъ лѣсомъ, уцѣлѣвшимъ еще отъ жадности наѣкомыхъ.

По показанію обывателей нѣкоторыхъ селеній и лѣсной стражи, эта прожорливая гусеница уже въ прошломъ году была замѣчена, но принята за обыкновенную садовую гусень, и потому ни владѣльцы ни лѣсные сторожа не заботились объ истребленіи такихъ вредныхъ наѣкомыхъ. — Принимаю въ

соображеніе, что этотъ сосновый лѣсъ занимаетъ значительное пространство, до десяти тысячъ десятинъ, опустошенныхъ уже немощною дѣятельностію наѣтковыхъ, нельзя допустить чтобы столь многочисленное племя зародилось только съ прошедшаго лѣта, а надобно полагать, что періодъ органическаго ихъ развитія начался гораздо ранѣе, чѣмъ какъ разсказываютъ сельскіе наблюдатели. По замѣчаніямъ ихъ, первоначальныя личинки помѣщались на верхушкахъ высокихъ сосновыхъ деревьевъ; тамъ гусень окутывала себя шелковидными куколками, превращавшимися въ мотыльки коричневаго цвѣту, которыхъ жизнь продолжалась, по наблюденію, не болѣе двѣнадцати дней. Мотыльки эти не дѣлали ни какого вреда лѣснымъ деревьямъ, выключая того, что на соснахъ между разщелинами коры клали лички, которыя, въ продолженіе нѣкотораго времени, превращались въ маленькія личинки, по свойству и обжорливости своей не уступающія обыкновенной гусеницѣ. Куда въ осеннее время гусень скрылась, неизвѣстно. Съ наступленіемъ первыхъ весеннихъ дней, она появилась въ безчисленномъ множествѣ на сосновыхъ деревьяхъ.

Полагаютъ, что этотъ новый родъ наѣтковыхъ долженъ быть большой сосновый шелкопрядъ (*Phalena bombyx pini*, Lin). Какимъ образомъ онъ однако жъ появился въ лѣсахъ того края? Это составляетъ задачу. Извѣстно, что въ Германіи, между опаснѣйшими наѣтковыми лѣсовъ, первое мѣсто занимаетъ большой сосновый шелкопрядъ, который намъ до сихъ поръ извѣстенъ только по описанію, интересовавшему однихъ естествоиспытателей, а владельцы слѣпо вѣровали, что противъ вредныхъ наѣтковыхъ климатъ есть лучшій стражъ лѣсовъ, составляющихъ немаловажное богатство тамошняго края.

Большой сосновый шелкопрядъ (*Phalena bombyx pini*) имѣетъ длины отъ двухъ до трехъ вершковъ, а въ ширину $\frac{1}{2}$ вершка; на протяженіи его тѣла имѣется десять сгибовъ или колѣнцовъ.

Описанная здѣсь гусень завертывается, какъ выше сказано, въ шелковидную куколку, и выпускаетъ изъ нея коричневаго цвѣту мотылька, который, посредствомъ личекъ, величиною съ булавочную головку, положенныхъ между разщелинами и поверхъ сосновой коры, размножаетъ до безчисленности прожорливыя личинки, скрывающіяся въ осеннее время, вѣроятно, въ землѣ. Гусеница эта пожираетъ однѣ только иглы сосновыхъ деревьевъ, избѣгая тѣхъ лѣсовъ, которые произрастаютъ на влажной почвѣ. Муравейники истребляютъ эту гусень. Она оказываетъ чрезвычайную раздражительность при дотрогиваніи. Дѣйствіе отъ укушенія ея оставляетъ на тѣлѣ опухоль до трехъ дней и болѣе.

По значительному помету около корней сосновыхъ деревьевъ можно узнать о присутствіи гусени. О послѣдствіяхъ опустошенія нанесеннаго сосновымъ лѣсамъ алчною гусенью, нельзя еще съ достовѣрностію сказать ничего: еще неизвѣстно, погибаютъ ли эти деревья отъ дѣйствія гусеницы, или, подобно фруктовымъ, не утрачиваютъ растительной силы.

—Шестнадцатаго августа Государю Императору благоугодно было даровать жителямъ Царства Польскаго, по случаю всерадостнаго бракосочетанія Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича, разныя милости.

Благотѣльныя намѣренія Его Императорскаго Величества уже исполнены и представляютъ слѣдующій результатъ:

I. По силѣ всеимостивѣйшаго манифеста сложены числящіяся по казначейскимъ книгамъ недонмки:

а) За время герцогства Варшавскаго и Царства Польскаго по 1832 годъ	13,394,247	злотыхъ	16	грошей
б) За время съ 1832 по 1837	3,010,390	—	9	—
с) Экзекуціонныя штрафы за 1839 и 1840 годы	369,737	—	7	—

Итого 16,774,375 ——— 12 —

д) Стоимость доставленных въ магазины въ 1831 году для русскихъ войскъ, по концъ октября того же года, продуктовъ, которые по силъ седьмой статьи манифеста будутъ зачислены въ казенныя недомки по 1840 годъ, составляетъ за поставки въ два мѣсяца, сентябрь и октябрь, произведенные, по всѣмъ губерніямъ 672,195 злотыхъ 21 грошей; стоимость же поставокъ втеченіи предъидущихъ мѣсяцовъ 1831 года произведенныхъ, еще не исчислена.

е) Ссуды, выданныя изъ польскаго банка разнымъ фабрикантамъ до мятежа на покупку шерсти, которая осьюю статьею манифеста дозволено уплатить или свидѣтельствами ликвидаціонной комиссіи или сертификатами казны, составляютъ вмѣстѣ съ процентами по шестнадцатое апрѣля 784,935 злотыхъ 20 грошей.

1) Убытки, понесенные фабрикантами и донынѣ не вознагражденные, которые сообразно девятой статьѣ манифеста будутъ вознаграждены изъ казны, за вычетомъ должныхъ ими казнѣ или банку суммъ, составляютъ 358,318 злотыхъ 9 грошей.

г) Административные штрафы, назначенные правительственною комиссіею внутреннихъ дѣлъ по исходу 1837 годъ, предназначенные къ сложенію со счетовъ, составляютъ 3,275 злотыхъ.

II. По силъ того же всемилостивѣйшаго манифеста воспользовались прощеніемъ всего 9,755 человекъ приговоренныхъ уголовными судами Царства къ разнымъ наказаніямъ, въ томъ числѣ 8,031 мужчинъ и 1,724 женщинъ; христіанскаго исповѣданія 7,816 и сарейскаго 1,939 человекъ.

СОБЫТІЯ ВЪ ЧУЖИХЪ КРАЯХЪ.

ФРАНЦІЯ.

— Открытіе палатъ, которое должно было послѣдовать въ концъ ноября, отложено, какъ увѣряють, до двадцать-четвертаго или двадцать-пятаго декабря.

— Общее отпаденіе Арабовъ отъ *Абдель-Кадера*, котораго съ полною увѣренностію ожидали со дня на день, не послѣдуетъ, по-видимому, такъ скоро; по-крайней-мѣрѣ новѣйшія извѣстія изъ Алжира не заключаютъ въ себѣ ничего такого, что бы хотя сколько нибудь оправдывало надежду на подобный результатъ. Напротивъ, изъ нихъ видно, что алжирское правительство ревностно старается привести часть Метиджи въ оборонительное положеніе. Вырываемый съ этою цѣлью ровъ имѣетъ четыре метра въ ширину. Онъ идетъ отъ одного мѣста на морскомъ берегу, называемаго Фика, мимо Блidy, близъ Буфтарика, мимо брода Константины, и оканчивается у такъ-называемаго «Квадратнаго Дома» (Maison Carré). Въ разстояніи каждыхъ 500 метровъ строятся блокаузы. Солдаты, занимающіеся выкапываніемъ его, работаютъ утромъ съ четырехъ до девяти, и по полудни съ половины двухъ до шести часовъ. Жалуются, что время, назначенное для работъ, слишкомъ продолжительно и по необходимости должно размножить число больныхъ, и безъ того уже значительное. Въ Оранѣ, по-видимому, дѣла идутъ неудовлетворительно для Французовъ. Генералъ *Лиморисьеръ*, командующій тамъ, не оправдываетъ, какъ кажется, славы, которую приобрѣлъ нѣсколькими блестящими воинскими подвигами, и увѣряють, что генералъ-губернаторъ намѣренъ отозвать его отъ этого важнаго поста. Отъ назначенія *Хаджи-Мустафы* Беемъ Мостаганема и Маскары ожидаютъ большой пользы. *Хаджи-Мустафа* Турокъ и сынъ прежняго Бей. Осенняя экспедиція будетъ предпринята въ концъ сентября подъ личнымъ предводительствомъ генерала *Бюждъ*, но операціи ограничатся, вѣроятно, снабженіемъ Меден и Миліаны провіантомъ.

— Въ *Journal des Debats* насчетъ англійской тронной рѣчи сказано: «Открытіе парламента подало англійской королевѣ случай изъяснить удовольствіе возбужденное въ ней восстановленіемъ добраго согласія между главными европейскими державами. Всѣ искренніе друзья общаго мира и благоденствія порадуются вмѣстѣ съ нами, что дружественныя отношенія между Франціею и Англіею возобновлены. Англійскій парламентъ не одобряетъ многихъ параграфовъ тронной рѣчи, но тотъ параграфъ, въ которомъ сказано, что Франція снова вступила въ семейство европейскихъ націй, былъ принятъ съ единодушнымъ одобреніемъ и данъ уваженія, принесенная при этомъ случаѣ ораторами обѣихъ палатъ мудрости и твердости короля и его правительства — дѣлаетъ столько же чести первымъ, какъ и послѣднимъ.»

— Въ *Sentinelle de la Marine*, отъ двадцать-шестого августа, напечатано: «Госпиталь въ Магонъ теперь совершенно очищенъ и переданъ испанскому правительству. Въ журналахъ приписывали эту мѣру разнымъ причинамъ, и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ утверждали даже, что испанское правительство сожалеетъ о нашемъ удаленіи. Достоверно то, что испанское правительство охотно принимало 75,000 франковъ, которые Франція ежегодно платила за госпиталь; но *Эспартеро* до такой степени усиливалъ свои требованія и хотѣлъ сдѣлать эту связь съ большими Французами прибыльною для своихъ финансовъ въ такой мѣрѣ, что французское министерство предпочло прекратить контрактъ. Жители острова очень сожалеютъ о нашемъ удаленіи: они теряютъ въ этомъ случаѣ гораздо больше, нежели мы».

— Въ газетѣ *la Presse* напечатано следующее: «Въ нѣкоторыхъ журналахъ было объявлено, что депутаты лѣвой и правой стороны намѣрены собраться, чтобы протестовать противъ судебного преслѣдованія, которому подвергся новый депутатъ *Аедриу-Ролленъ*. Собраніе, какъ кажется, уже происходило; но оно не имѣетъ тѣхъ послѣдствій, какихъ ожидали; никакого протеста обнаружено не будетъ. Депутаты крайнихъ партій рѣшились по-видимому, противузаконность этого судебного преслѣдованія представить на обсужденіе палаты, а теперь ограничиться только избраніемъ четырехъ депутатовъ, которые служили бы защитниками господину *Аедриу* въ ассизномъ судѣ. Не знаемъ, что побудило принять такую мѣру. По нашему мнѣнію, господинъ *Аедриу* могъ бы и одинъ защищаться; но мы не жалуемся на такое рѣшеніе. Любопытно будетъ видѣть, какъ господинъ *Берриѣ*, входящій въ число этихъ четырехъ адвокатовъ, станетъ защищать неприкосновенность избирателей и кандидатовъ и свободу выборовъ; впрочемъ, можетъ-быть, защитники сдѣлаютъ то, что всѣ могли бы сдѣлать, то есть, ограничатся только доказательствомъ несоразности судебного преслѣдованія, не вмѣшивая въ споръ мнѣній. Въ такомъ случаѣ и мы готовы оказать въ этомъ дѣлѣ наше содѣйствіе.»

— Изъ Орана, отъ пятнадцатаго августа, пишутъ: «Приготовленія къ осеннему походу производятся съ ревностію; дивизія выступитъ чрезъ двѣ недѣли. Военныя дѣйствія въ этотъ разъ будутъ производиться съ болѣею дѣятельностію, и говорятъ, что генераль *Люжѣ* намѣренъ овладѣть всѣми наибольшими постами въ окрестности Орана, за исключеніемъ Мизергина. По извѣстіямъ изъ Мостаганема, только двумъ племенамъ Медшеровъ и нѣсколькимъ отдѣльнымъ семействамъ удалось достигъ нашихъ форпостовъ. Они бѣжали такъ поспѣшно, что оставили часть своихъ палатокъ. Полковникъ *Талмуръ* ведетъ теперь переговоры съ шейхами нѣкоторыхъ другихъ племенъ.»

АНГЛІЯ.

Верхняя палата. Въ засѣданіи двадцать-четвертаго августа, графъ *Спенсеръ*, въ рѣчи, въ защиту предложеннаго имъ адреса, коснулся вкратцѣ вѣнскихъ отношеній и объявилъ, что когда юльскій трактатъ сдѣлается извѣстнымъ, то

онъ съ сожалѣніемъ узналъ, что лордъ *Пальмерстонъ* измѣнилъ прежнему своему стремленію сохранить миръ Европы, поддерживая согласіе между великими державами; но вскоре убѣдился въ противномъ, когда прочелъ объявленіе господина *Тьера* о его намѣреніяхъ и видахъ, и узналъ совершенное безсиліе *Мехмеда-Али*. Радясь присоединенію вновь Франціи къ союзу великихъ европейскихъ державъ, онъ выразилъ неизмѣнное свое мнѣніе, что въ согласіи Франціи съ Англіею заключается вѣрнѣйшее ручательство въ ненарушимости мира Европы. Перешедъ къ дѣламъ внутренней политики, онъ находилъ необходимо нужнымъ измѣнить пошлину на строевой лѣсъ, на сахаръ и установить постоянную пошлину на хлѣбъ. — Маркизь *Кларикардъ* защищалъ предложенный графомъ *Спенсеромъ* адресъ, которому графъ *Рейнонъ* противопоставилъ измѣненіе, составленное торіями и заключавшееся въ томъ, что настоящее министерство не пользуется довѣренностію палаты. Послѣ того графъ *Фицвиллемъ* защищалъ министерство. Вслѣдъ за нимъ лордъ *Литтлтонъ* изложилъ причины, побуждающія его, поддерживать предложеніе графа *Рейнона*, хотя онъ, *Литтлтонъ*, всегда былъ и будетъ ревностнымъ вигомъ. Лордъ *Мельбурнъ* старался оправдать политику кабинета. Особенно замѣчательна последовавшая за тѣмъ рѣчь герцога *Веллингтона*. Онъ объявилъ, что вообще одобряетъ мѣры, принатыя министрами, но замѣтилъ въ подтвержденіе предложенія графа *Рейнона*, что министровъ справедливо обвиняють въ томъ, что они, принявъ тѣ мѣры, не позаботились изыскать средствъ къ покрытію издержекъ, которыя онъ повлекли за собою, и при всемъ томъ еще значительно возвысили налоги. Особенно герцогъ поставилъ имъ въ упрекъ то, что въ тронной рѣчи они употребили столь положительныя выраженія насчетъ законовъ о хлѣбѣ, какъ будто давая тѣмъ разумѣть, что королева сама старается доставить перевѣсъ мнѣнію своихъ министровъ. Судя по отзывамъ, заключающимся въ обѣихъ тронныхъ рѣчахъ, какъ при распущеніи парламента, такъ и нынѣ при открытіи его, государство можетъ подумать, что защитники законовъ о хлѣбѣ суть противники королевы. Это тѣмъ несправедливѣе, что самъ лордъ *Мельбурнъ* въ прежнее время находилъ опаснымъ измѣнять означенные законы. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, когда предполагались важныя перемѣны въ существующихъ законахъ, приступаемо было къ тому съ величайшею осмотрительностію, належаемы были комиссіи и собираемы свѣдѣнія. Ничего подобнаго не сдѣлано, по-крайней-мѣрѣ со стороны министерства, и вотъ почему нельзя не согласиться, что министерство не заслуживаетъ довѣренности парламента. — Лордъ *Мельбурнъ* старался опровергнуть упреки, лично сдѣланные ему предшествовавшимъ ораторомъ; послѣ него герцогъ *Риммондъ* защищалъ существующіе законы о хлѣбѣ, маркизь *Ландсдоунъ* говорилъ въ пользу министерской политики, а лордъ *Ковентри* въ защиту предложенія графа *Рейнона* и, наконецъ, послѣ рѣчи лорда *Брума*, защищавшаго министровъ, приступлено было къ балотировкѣ, и измѣненіе принято большинствомъ 75 голосовъ.

— Въ засѣданіи двадцать-седьмого августа, лордъ-оверъ-гофмейстеръ графъ *Эрроль*, представилъ отвѣтъ королевы на адресъ верхней палаты. Онъ заключаетъ въ себѣ слѣдующее: «Мнѣ пріятно видѣть, что верхняя палата глубоко убѣждена въ важности того, что мною было сказано относительно торговли государства и законовъ, касающихся торговли хлѣбомъ, и что при рѣшеніяхъ своихъ насчетъ мѣръ, которыя будутъ признаны нужными, главнѣйшимъ желаніемъ ея будетъ сообразоваться съ выгодами всѣхъ классовъ моихъ подданныхъ и способствовать ихъ благосостоянію. Такъ какъ я всегда готова полагаться на совѣты парламента, то и не замедлю принять въ разсмотрѣніе прочія содержащіяся въ вашемъ адресѣ важныя дѣла». — Последнія слова относятся, по-видимому, до объявленія верхней палаты, что настоящее министерство не пользуется довѣренностію государства, и что оттого мѣры, предложенныя на обсужденіе парламента, подъ его руководствомъ не могутъ быть разсмотрѣны съ пользою для общаго блага. Впрочемъ, въ это

засѣданіе верхней палаты, которое притомъ было очень непродолжительно, не произошло ничего любопытнаго.

Нижняя палата. Въ засѣданіи двадцать-четвертаго августа, господинъ Маркъ *Филипсъ*, предложившій въ нижней палатѣ отвѣтныи адрессъ на тронную рѣчь, выразилъ радость, которую онъ, какъ представитель большаго мануфактурнаго города, Манчестера, чувствуетъ, узнавъ, что спокойствіе въ Европѣ не будетъ нарушено и что есть надежда на скорое окончаніе несогласій съ Китаемъ къ выгодѣ британской торговли. Господинъ Джонъ *Дундасъ* поддерживалъ адрессъ. Послѣ того господинъ Джонъ *Стиуартъ Вортлей* предложилъ слѣдующее измѣненіе, согласное съ измѣненіемъ принятымъ въ верхней палатѣ: «Всеподданнѣйше представить ея величеству, что нижняя палата съ живѣйшимъ опасеніемъ видитъ, до какой степени общественные расходы въ послѣднее время превышали доходы, и что она убѣждена въ необходимости принять мѣры къ отвращенію столь великаго зла; увѣрить ея величество, что палата глубоко проникнута важностію напоминаній о торговлѣ и доходахъ государства, и о законахъ, относящихся до торговли хлѣбомъ, на которые ея величеству угодно было обратить вниманіе палаты. При избраніи пути, которому признано будетъ полезнымъ слѣдовать въ отношеніи къ столь важнымъ предметамъ, первѣйшею заботою будетъ не упускать изъ виду выгодъ подданныхъ ея величества и ихъ благосостоянія. Но притомъ она считаетъ своею обязанностію всеподданнѣйше замѣтить ея величеству, какъ существенно необходимо для удовлетворительнаго результата совѣщаній какъ объ этомъ, такъ и другихъ дѣлахъ, касающихся общественнаго блага, чтобы министерство ея величества пользовалось довѣренностію палаты и страны, и вмѣстѣ съ тѣмъ почтительнѣйше представить ея величеству, что настоящіе ея совѣтники не пользуются этой довѣренностію. Увѣрить ея величество, что въ милосердіи выраженіи душевнаго состраданія ея величества къ тѣмъ изъ ея подданныхъ, которые нынѣ терпятъ отъ нищеты и недостатка работы, палата видитъ новое доказательство нѣжной заботливости ея величества о благѣ своихъ подданныхъ и искренно присоединяетъ свои мольбы къ мольбамъ ея величества, чтобы всеми совѣщаніями палаты руководила мудрость и чтобы они способствовали благоденствію ея народа.» Это измѣненіе поддерживаемо было лордомъ *Брюсомъ*, господами *д'Израэли* и *Робукомъ*, а въ защиту министровъ говорили господа *Лабушеръ*, *Бернэлъ* младшій и сэръ *Ч. Нэпиръ*. — Господинъ *Робукъ* объявилъ между прочимъ, что онъ подаетъ голосъ въ пользу измѣненія, вовсе не по тѣмъ уваженіямъ, которые приведены лицами, его предложившими, но потому, что вини, по его мнѣнію, похожи на торіевъ. Если министерство виговъ пало, то по собственной своей винѣ, потому что не давало надлежащаго хода реформамъ, и эту вину оно можетъ загладить только твердою, добросовѣстною оппозиціей. Торіи достигнуть власти, потому что на ихъ сторонѣ большинство, то есть, большинство избирателей, но не націи; но въ томъ-то и заключается вина министровъ, что они не доставили націи обширнѣйшаго права выборовъ. Другой радикалъ, господинъ *Муницъ*, объявилъ себя въ пользу настоящаго министерства, потому что онъ все-таки предпочитаетъ виговъ торіямъ.

— Въ слѣдующій вечеръ продолжались пренія объ адрессѣ, но главные ораторы и настоящіе предводители обѣихъ партій въ нихъ еще не участвовали.

— Въ засѣданіи двадцать-шестаго августа, прежде чѣмъ начались пренія объ адрессѣ, господинъ *Робукъ* предложилъ министру иностранныхъ дѣлъ нѣсколько вопросовъ насчетъ дѣла *Макъ-Лауда*, и возникшихъ по поводу его несогласій съ Соединенными Штатами. Лордъ *Пальмерстонъ* отвѣчалъ вообще очень удовлетворительно и прочелъ инструкціи, данныя американскимъ статсъ-секретаремъ господиномъ *Вебстеромъ*, генералъ-прокурору Соединенныхъ Штатовъ. Послѣднему поручено объявить ассизному суду въ Утикѣ, гдѣ, какъ извѣстно, девятнадцатаго сентября будетъ производиться процессъ *Макъ-Лау-*

да, что правительство Соединенныхъ Штатовъ, согласно съ нотою британскаго кабинета, требующаго на основаніи народнаго права выдачи *Макъ-Лауда*, признаетъ дѣйствіе, въ которомъ обвиняется послѣдній, дѣйствіемъ британскаго правительства, а не обвиненнаго. Президентъ Соединенныхъ Штатовъ считаетъ вслѣдствіе того своею обязанностию вступить въ это дѣло, чтобы оградить *Макъ-Лауда* сколько это будетъ зависеть отъ центрального правительства. Лордъ *Пальмерстонъ* присовокупилъ, что ничего не можетъ быть похвалнѣе настоящаго образа дѣйствій американскаго правительства и что сожженіе парохода «*Каролины*» будетъ составлять предметъ отдѣльных отъ дѣла *Макъ-Лауда* переговоровъ, которые, какъ можно надѣяться, кончатся удовлетворительнымъ образомъ. — Послѣ того сэръ *Чарльзъ Нэпиръ* спросилъ того же министра, приняты ли мѣры къ вознагражденію несчастныхъ жителей Акры, которыхъ дома были разрушены при взятіи этого города? Лордъ *Пальмерстонъ* отвѣчалъ, что онъ получилъ письмо отъ лорда *Понсонби*, которымъ тотъ извѣщаетъ, что губернатору Акры даны инструкции объ оказаніи Сирійцамъ должной справедливости. Вслѣдъ затѣмъ были представлены многія просьбы противъ послѣднихъ выборовъ и снова начались пренія объ адрессѣ; но и въ этотъ вечеръ они не кончились. Наиболѣе замѣчательныя рѣчи были произнесены канцлеромъ казначейства и господиномъ *Гулбурномъ*.

— Въ засѣданіи двадцать седьмага августа, по внесеніи въ палату прошенія конференціи духовныхъ города Манчестера, не-конформистовъ, противъ законовъ о хлѣбѣ, приступлено было вновь къ преніямъ объ адрессѣ. Первые ораторы возбудили мало вниманія, потому что вообще всѣ эти пренія представляютъ одно повтореніе мнѣній, неоднократно уже высказанныхъ, и взаимныхъ упрековъ партій. Господинъ *Гэвсъ*, отвѣчавшій на рѣчь господина *Гулбурна*, произнесенную въ прошлое засѣданіе, старался въ особенности доказать, что отъ торіевъ надобно ожидать новыхъ налоговъ, тогда какъ настоящее министерство старалось облегчить и прежніе. Съ особеннымъ ожесточеніемъ говорилъ онъ противъ союза сэра Роберта *Пилъ* съ прежде-бывшими вигами, Лордомъ *Станлеемъ* и сэромъ *Джемсомъ Граггломъ*, которые впрочемъ, къ общему удивленію, во все продолженіе преній не произнесли ни одного слова. — Господинъ *Вильерсъ*, извѣстный противникъ законовъ о хлѣбѣ, говорилъ въ смыслѣ *Робука* и другихъ радикаловъ. Лордъ *Ф. Эджертонъ* старался, изъ пораженія, испытаннаго Лордомъ *Морпетомъ* на послѣднихъ выборахъ, извлечь самое разительное доказательство того, до какой степени настоящее министерство не любимо націею, потому что ни отличный частный характеръ, ни общественныя заслуги и таланты такого человека, какъ Лордъ *Морпетъ*, не могли, въ глазахъ избирателей, перевѣсить одного его недостатка, именно, что онъ принадлежитъ къ министерству. — Послѣ него *О'Коннелъ* объявилъ, что онъ будетъ говорить какъ представитель двухъ обширнѣйшихъ земледѣльческихъ графствъ, въ которыхъ считается болѣе милліона душъ, избравшихъ его съ полнымъ знаніемъ мнѣній его о хлѣбныхъ законахъ. Сначала онъ напалъ на поземельныхъ владѣльцевъ, которые, какъ онъ утверждалъ, по одному своекорыстію, стараются поддержать законы о хлѣбѣ; потомъ перешелъ къ сравненію виговъ съ торіями, описалъ заслуги, оказанныя настоящимъ министерствомъ, которое понизило плату за штемпель на журналахъ и за письма, сократило десятину, освободило сотни тысячъ негровъ-невольниковъ и примирило Ирландію съ Англіею. «А что же, воскликнулъ онъ, сдѣлали торіи для націи? Они были постоянными противниками гражданской и религіозной свободы и врагами Ирландіи.» Онъ приписывалъ главную причину ихъ успѣха на выборахъ ненависти ихъ къ Ирландіи и подкупамъ, и сказалъ въ заключеніе, что власть ихъ будетъ непродолжительна, что милліоны, не пользующіеся правомъ выборовъ, возвысятъ наконецъ свой голосъ, и что ни одна партія не достигала кормила при такомъ множествѣ затрудненій, такъ, что напослѣдокъ принуждены будутъ оказать Ирландіи справедливость. — Сэръ Робертъ *Пилъ*, употребивъ нѣсколько словъ на опроверженіе замѣчаній, сдѣланныхъ *О'Коннеломъ*, обра-

тился къ тронной рѣчи, и разобралъ ее пунктъ за пунктомъ. Онъ радовался сближенію съ Франціею и водворенію мирныхъ отношеній между державами Европы, сожалѣлъ, что въ тронной рѣчи не упомянуто объ Америкѣ, и заключилъ изъ того, что, вѣроятно, ничего утѣшительнаго нельзя было сказать. Перейдя къ финансамъ, онъ повторилъ не-разъ уже высказанныя мнѣнія свои о свободѣ торговли и въ ссѣбенности о торгѣ строевымъ лѣсомъ, сахаромъ и хлѣбомъ. Относительно послѣдняго предмета, насчетъ котораго противная сторона желала бы наиболее принудить его объясниться опредѣлительнымъ образомъ, онъ сказалъ, что предпочитаетъ постоянной пошлинѣ постоянную систему, хотя и находитъ нужнымъ сдѣлать въ частностяхъ нѣкоторыя перемѣны. Но въ чемъ должны заключаться эти перемѣны, онъ отказался высказать, присовокупивъ, что ни упрёки, ни насмѣшки не принудятъ его изложить вполне свой образъ мыслей объ этомъ предметѣ, пока нынѣшніе министры будутъ оставаться на своихъ мѣстахъ. Чтобъ показать неудобство постоянной пошлины, онъ спросилъ, что если бы дурная погода въ нынѣшнемъ году еще продолжилась и жатвы не поправились, то не ужели слѣдовало бы оставаться при постоянной пошлинѣ? И не получила ли бы коммерческая палата полномочія на время голода понизить пошлину? (Одинъ министерскій членъ отвѣчаетъ отрицательно.) «Какъ! продолжалъ сэръ Робертъ *Пиль*, по этому народъ, котораго нужды достопочтенный сотоварищъ мой изобразилъ съ такимъ соучастіемъ, долженъ понимать это дѣло въ томъ смыслѣ, что какъ бы пужды его ни были велики, какъ бы цѣны на хлѣбъ ни были высоки, пошлина должна оставаться неизмѣнною? Я могу отвѣчать на это, что пошлину при такихъ обстоятельствахъ сохранить было бы невозможно. Послѣ того онъ распространился насчетъ колебанія цѣнъ на хлѣбъ, которое неизбежно должно возобновляться и при постоянной пошлинѣ, а равномѣрно о томъ, что независимо отъ дороговизны хлѣба, есть еще множество другихъ причинъ, имѣющихъ рѣшительное вліяніе на благосостояніе мануфактуръ и фабрикъ. Затѣмъ онъ перешелъ къ министерскому кризису и порицалъ министровъ, что они давно уже не удались послѣ столькихъ пораженій, испытанныхъ ими въ парламентѣ. «Если я достигну нынѣ кормила, сказалъ онъ въ заключеніе, то съ полнымъ сознаніемъ, что я достигъ его по прямому пути, не чрезъ интриги, не чрезъ недостойныя уступки, и немедленно удалюсь, какъ скоро увижу, что не пользуюсь довѣренностію палаты и націи». — Послѣ него лордъ Джонъ *Россель* старался еще разъ оправдать политику министерства и называлъ совершенною новизною то, что сияются низвергнуть управленіе, которому не могутъ сдѣлать ни какого существеннаго упрёка. Затѣмъ приступлено было къ блотировкѣ и измѣненіе, предложенное торіями, принято большинствомъ 360 противъ 269 голосовъ, слѣдственно, большинствомъ 91 голоса. Такой результатъ, разумѣется, возбудилъ живѣйшую радость на оппозиціонныхъ скамьяхъ. Въ заключеніе засѣданія лордъ Джонъ *Россель* попросилъ палату собраться, для чрезвычайнаго засѣданія, на другой день, въ воскресенье, вѣроятно, для выслушанія рѣшенія министровъ.

— Удовлетворительный отвѣтъ, данный вчера Лордомъ *Пальмерстономъ* въ нижней палатѣ господину *Робуку* насчетъ дѣла *Макъ-Лауда* и возобновленное имъ увѣреніе, что американское центральное правительство поручилось предъ британскимъ кабинетомъ за жизнь и скорое освобожденіе *Макъ-Лауда*, должны, какъ замѣчаетъ сегодня газета *Globe*, совершенно разсѣять всѣ опасенія насчетъ непріязненныхъ дѣйствій, могущихъ произойти между Соединенными Штатами и Англіею, вслѣдствіе мѣръ, принятыхъ нынѣ іоркскими начальствами противъ *Макъ-Лауда*.

— Въ *Globe* всё-еще полагаютъ, что относительно личной безопасности *Макъ-Лауда* нечего опасаться. Если онъ докажетъ, что во время нападенія на пароходъ «*Каролину*» онъ находился въ другомъ мѣстѣ, то само-собою разумѣется, что онъ оправдается. Если же онъ не убѣдитъ въ томъ присяжныхъ, и будетъ объявленъ виновнымъ въ приписываемомъ ему преступленіи, то судъ, конечно, самъ признаетъ, что онъ за это дѣйствіе, котораго отвѣт-

ственность принимает на себя правительство, не может подлежать лично ответственности и наказанію, а долженъ быть освобожденъ. Надобно сожалѣть, что медленное судопроизводство въ Соединенныхъ Штатахъ повлекло за собою продолжительное заключеніе *Макъ-Лауда*. Прямое требованіе о его освобожденіи не могло быть сдѣлано со стороны британскаго правительства, пока судъ продолжается и пока плѣнникъ, вслѣдствіе судебного разбирательства, не подвергся еще дѣйствительной и непосредственной опасности. «Но если судебное рѣшеніе, продолжаютъ въ той же газетѣ, состоится въ противность нашему ожиданію, и судъ, по невѣдѣнію или по неуваженію всѣхъ отношеній, произнесетъ смертный приговоръ *Макъ-Лауду*, то дѣйствіе британскаго правительства будетъ очень просто, и оно, какъ намъ известно, приняло уже мѣры на этотъ случай. Господину Фоксу давно уже предписано, при наступленіи такихъ обстоятельствъ, возможныхъ только, но не вѣроятныхъ, потребовать свои паспорта. Если по поводу мнимаго участія *Макъ-Лауда* въ сожженіи парохода «*Каролины*» коснутся хотя одного волоска на головѣ его, то это сочтено будетъ объявленіемъ войны со стороны Американцевъ британской націи. Всякая вражда партій исчезнетъ тогда въ общемъ энтузіазмѣ всѣхъ классовъ націи, и свѣтъ увидитъ, что Великобританія находится въ полномъ вооруженіи и рѣшимости отмстить за свою собственную честь, и показать, что эта честь неразрывно связана съ заботою о сохраненіи своихъ подданныхъ отъ позора и несправедливости».

— Въ Придворной Газетѣ, отъ двадцать-четвертаго августа, официально обнародовано повелѣніе тайнаго совѣта, отъ одиннадцатаго августа, предписывающее лордамъ-коммиссарамъ казначейства сдѣлать нужные распоряженія для приведенія въ исполненіе торговаго и мореходнаго трактата, заключеннаго втораго марта между Англіею и Пруссіею и прочими государствами таможеннаго и торговаго союза.

— Дѣятельность на верфяхъ снова необыкновенно велика. Въ Портсмутѣ снаряжаются линейные корабли: «*Illustrions*» и «*Malabar*», и сверхъ-того шесть небольшихъ военныхъ судовъ; въ Чатамъ линейные корабли «*Formidable*» и «*Геркулесъ*». Линейный корабль «*Collingwood*», обвѣ осмидесяти пушкахъ, недавно спущенъ со штабелей въ Пемброкъ.

— Управление виговъ кончилось и сэръ Робертъ *Пиль* получилъ отъ королевы формальное порученіе составить новое министерство. Двадцать-осьмаго августа въ три часа утра нижняя палата, послѣ преній происходившихъ сряду четыре ночи, рѣшила наконецъ большинствомъ 360 голоса противъ 269 (то есть большинствомъ 91 голосовъ), что министры не имѣютъ себѣ доверія и въ тотъ же день въ двѣнадцать часовъ палата собралась снова, чтобы согласиться насчетъ окончательнаго утвержденія адреса въ смыслѣ означеннаго рѣшенія. Министры и почти всѣ виги при томъ не присутствовали. Радикалъ *Чарманъ Крокфордъ* предложилъ, въ видѣ добавочной статьи къ адресу, измѣненіе, въ которомъ сказано, что избирательное право слѣдуетъ распространить чтобы доставить рабочимъ классамъ болѣе вѣсу въ представительномъ сословіи и тѣмъ упрочить ихъ выгоды. Однако жъ многіе радикалы, и въ числѣ ихъ господа *Вардъ, Робукъ* и *Бэкли*, объявили, что это предложеніе не своевременно и оно было отвергнуто большинствомъ 244 голосовъ. Послѣ того адресъ былъ принятъ и отправленъ къ ея величеству.

— Между-тѣмъ какъ герцогъ *Кембриджскій* подалъ въ верхней палатѣ голосъ въ пользу измѣненія, предложеннаго торіями въ адресѣ, братъ его, герцогъ *Суссекскій*, не только не подалъ своего голоса въ томъ же смыслѣ, но еще сверхъ-того внесъ въ протоколъ палаты особый протестъ противъ этого измѣненія.

— Члены кабинета и многіе другіе члены новаго управленія уже назначены. Во второй аудіенціи, которую сэръ Робертъ *Пиль* имѣлъ тридцать-перваго августа у королевы, ея величество безусловно утвердила списокъ, представленный ей первымъ министромъ. Кабинетъ состоитъ изъ слѣдующихъ членовъ: первый министръ или первый лордъ Казначейства сэръ Ро-

бертъ *Пилъ*; лордъ-канцлеръ лордъ *Линдгустъ*; предводитель верхней палаты, безъ особой должности, герцогъ *Веллингтонъ*; президентъ тайнаго совѣта графъ *Варнклифъ*; великій хранитель печати герцогъ *Букингамъ*; первый лордъ адмиралтейства графъ *Гаддингтонъ*; статсъ-секретарь внутреннихъ дѣлъ сэръ *Джемсъ Грагамъ*; статсъ-секретарь иностранныхъ дѣлъ графъ *Абердинъ*; статсъ-секретарь колоній лордъ *Станлей*; президентъ торговой палаты графъ *Рейпонъ*; президентъ остъ-индскаго контроля лордъ *Элленборо*; канцлеръ казначейства Генри *Гульбурнъ*; военный секретарь Генри *Гардинъ*.

Сверхъ-того извѣстны слѣдующія назначенія членовъ новаго управленія, не принадлежащихъ къ кабинету:

Генеральный казначей арміи и флота Эдвардъ *Негбуллъ*; генераль-фельдцейхмейстеръ сэръ *Джоржъ Муррей*; секретарь адмиралтейства сэръ *Джоржъ Клеркъ*; старшій секретарь казначейства сэръ *Томасъ Фрелетъ*; вице-президентъ торговой палаты В. Э. *Гладстонъ*; лордъ-намѣстникъ Ирландіи графъ *Грей*; секретарь Ирландіи лордъ *Эллиотъ*.

ТУРЦІЯ.

Турецкіе уполномоченные донесли изъ Ниссы, что болгарскія дѣла совершенно кончены. Къ несчастнымъ райямъ, покинувшимъ свое мѣстопробываніе, разсѣявшимся и частію скрывающимся въ земляныхъ пещерахъ, были разсланы бужуруды Мушира *Якуба-паши*, общающій имъ миръ и всепрощеніе, послѣ чего они толпами воротились съ своими семействами и получили слѣдующую имъ долю изъ подарковъ, назначенныхъ его величествомъ султаномъ всѣмъ не участвовавшимъ въ мятежъ райямъ.

— Его величество султанъ лично объявилъ *Саидъ-Бекю*, при первой аудіенціи, что онъ уменьшаетъ подать, наложенную на *Мехмеда-Али*, и опредѣляетъ ее въ 60,000 кошелековъ (около 1,875,000 рублей серебромъ); числящаяся на египетскомъ пашѣ недомка также значительно уменьшена.

— Двадцать-осьмого іюля изданъ султанскій фирманъ, которымъ великій визирь облачается въ званіе верховнаго султана-намѣстника (Векили-Мутлакъ), и ему непосредственно подчиняются всѣ сановники Порты, для лучшаго сосредоточенія въ его рукахъ управленія имперіи.

— Двадцать-четвертаго августа, великобританскій генеральный консулъ въ Египтѣ, полковникъ *Барнетъ* и Императорско-россійскій генеральный консулъ, коллежскій совѣтникъ *Крамеръ*, отправились въ Александрію на англійскомъ пароходѣ «Полифемъ».

— По извѣстіямъ изъ Смирны, пожаромъ двадцать-девятого іюля истреблена третья часть этого города. Число сгорѣвшихъ домовъ и лавокъ по первоначальнымъ свѣдѣніямъ было преувеличено: первыхъ истреблено 3,847, а вторыхъ 2,437, всего 6,284; но убытокъ, произведенный пожаромъ, цѣнятъ теперь гораздо выше того, во что полагали его прежде, а именно, въ 140 милліоновъ турецкихъ піастровъ. Султанъ ассигновалъ на первыя пособія погорѣвшимъ 150,000 турецкихъ піастровъ и 25,000 окъ муки. Въ Смирнѣ, Константинополѣ и Митиленѣ составились комитеты для пособія погорѣвшимъ, и уже собрали довольно значительныя суммы. Министръ иностранныхъ дѣлъ, *Рифаатъ-паша*, письменно благодарилъ отъ имени султана адмирала *Бандіеру* за дѣятельную помощь, оказанную австрійскими морскими къ прекращенію пожара, приписывая единственно ихъ усиліямъ спасеніе уцѣлѣвшей части Смирны.

— По извѣстіямъ изъ Александріи отъ шестаго августа, *Ибрагимъ-паша* былъ еще тамъ; съ нѣкотораго времени замѣчено, что вліяніе *Богосъ-Бей* на дѣла уменьшилось, и что главнымъ вліяніемъ въ управленіи пользуются бывшій дамасскій губернаторъ *Шерифъ-паша* и *Анна-Бахри-Бей*. Отъ нихъ не ожидаютъ впрочемъ никакихъ облегченій по торговлѣ.

СѢВЕРО-АМЕРИКАНСКІЕ СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ.

Въ коммерческой и промышленной системѣ Соединенныхъ Штатовъ готовится важное и внезапное преобразованіе. Билли о банкѣ и о банкротствѣ утверждены сенатомъ и находятся теперь на разсмотрѣніи въ палатѣ представителей. Новый тарифъ, или билль о доходахъ, равнымъ образомъ принятъ сенатомъ и притомъ большинствомъ шестнадцати голосовъ; приняты также билли о раздѣлѣ земель и о займѣ. Каждый изъ этихъ законовъ чрезвычайно важенъ самъ по себѣ, а всѣ вмѣстѣ они составляютъ систему, которая, по окончательномъ одобреніи палатою и по утвержденіи президентомъ, должна произвести важный и быстрый переворотъ въ государствѣ. Билль о раздѣлѣ земель долженъ доставить Штатамъ ежегодно три милліона долларовъ; займами, на основаніи новаго билля приобрѣтено будетъ двѣнадцать милліоновъ долларовъ; тарифъ увеличиваетъ ежегодную подать осьмью съ половиною милліонами долларовъ; билль о Банкѣ доставляетъ новый капиталъ въ тридцать милліоновъ; биллемъ о банкротствахъ уничтожаются долги, простирающіеся до 350 милліоновъ долларовъ. Конечно, не всѣ эти законы еще приняты, и многіе полагаютъ, что президентъ не утвердитъ билля о Банкѣ и даже, можетъ-быть, билля насчетъ тарифа. Если же всѣ они будутъ утверждены, то, по приведеннымъ числамъ можно судить о послѣдствіяхъ, какія будутъ имѣть всѣ эти перемѣны въ законодательствѣ. Вслучаѣ несогласія президента легко можетъ послѣдовать паденіе всего кабинета, и надобно ожидать сильнаго волненія партій.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

I. Литературное обозрѣніе.

Похожденія Ренегата, описанныя съ словъ его г. Арио Парижъ, 1836. Двѣ части.

II. Обозрѣніе современной исторіи и политики.

Отечественныя и иностранныя извѣстія.

Печатать позволено. Санктпетербургъ, 1841 г. 6 сентября. С. Куторга и А. Фрейгангъ.
